

ТАТЬЯНА

Устинова

— первая среди лучших —

Земное притяжение

Их четверо. Летчик из Анадыря; знаменитый искусствовед; шаманка из алтайского села; модная московская художница. У каждого из них своя жизнь, но возникает внештатная ситуация, и эти четверо собираются вместе. Точнее — их собирают для выполнения задания!.. В тамбовской библиотеке умер директор, а вслед за этим происходят странные события — библиотека разгромлена, словно в ней пытались найти все сокровища мира, а за сотрудниками явно кто-то следит. Что именно было спрятано среди книг?.. И отчего так важно это найти?..

Кто эти четверо? Почему они умеют все — управлять любыми видами транспорта, стрелять, делать хирургические операции, разгадывать сложные шифры?.. Летчик, искусствовед, шаманка и художница ответят на все вопросы и пройдут все испытания. У них за плечами — целая общая жизнь, которая вмещает все: любовь, расставания, ссоры с близкими, старые обиды и новые надежды. Они справятся с заданием, распутают клубок, переживут потери и обретут любовь — земного притяжения никто не отменял!..

Татьяна Устинова

Земное притяжение

© Устинова Т.В., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

— Всё выше, и выше, и выше стремим мы полёт наших птиц, и в каждом пропеллере дышит спокойствие наших границ!..

На «границах» связка ключей вывалилась из замка и брякнулась под крыльцо. Замок закачался на дужке.

— Что такое!.. — Светлана Ивановна, только что бодро гудевшая себе под нос «Марш авиаторов», подивилась на замок, перегнулась через перила и стала шарить глазами. Вон она, связка-то!.. Ишь ты, далеко ускакала!..

Светлана Ивановна спустилась с крыльца — доски поскрипывали, — подобрала ключи, нацелилась было на замок и тут только сообразила, что он открыт!.. Выходит, директор уже на месте, раньше неё прибыл, неслыханное дело!..

...Позвольте, как — на месте? Если замок в петли продет и на одной дужке болтается? Что ж это, директор дверь отпер, сам подался куда-то, а всё библиотечное хозяйство нараспашку оставил? На одну дужку только и прикрыл?

Светлана Ивановна заволновалась, заторопилась, крыльцо под ней заходило ходуном. Она отцепила замок, пристроила его на всегдашнее место — на гвоздик с правой стороны, — распахнула дверь. Изнутри сразу потянуло запахом пыли и старых книг.

— Пётр Сергеевич, вы здесь?.. Или где?

Никто не отозвался.

Библиотекарша кое-как подпёрла обшитую старым дерматином дверь цветочным горшком с геранью. Дверь осенью подпирали старинным чугунным утюгом, должно быть, в полпуда весом, а вот весной — горшком с геранью.

Неладное началось сразу же. Под ноги Светлане Ивановне как будто текла бумажная река. Библиотекарша ахнула и прижала к груди гигантскую клеёнчатую сумку.

Река состояла из газет и журналов, и все они были измяты, словно истоптаны, ими был устлан весь пол в коридоре, так что даже ковровой дорожки не видно.

— Батюшки светы, — пробормотала Светлана Ивановна, и подбородок у неё задрожал, и дыхание сбилось.

В карманчике сумки она нашарила лекарство, выдавила крохотный красный шарик и кинула под язык.

Ступая по бумажной реке, она осторожно заглянула в «абонемент» и зажмурилась от ужаса — здесь всё было вверх дном, все книги вытащены, выворочены, как будто их били и насиловали. Стеллажи, без книг похожие на скелеты, сдвинуты с места, даже цветочные горшки опрокинуты!..

— Батюшки, — повторила Светлана Ивановна и подумала: хорошо бы сейчас упасть в обморок, но падать в обморок она не умела.

Тело человека, лежащего на полу позади стола с выдвинутыми и выпотрошенными ящиками, показалось ей не таким уж страшным.

Оно *должно было* там лежать, и оно *лежало*.

— Пётр Сергеевич, — позвала Светлана Ивановна и наклонилась над телом. — Петя!. Что с тобой? Зачем ты здесь лёг?

Было совершенно очевидно, что директор библиотеки ничего и никогда не сможет ей ответить, что это даже и не директор, а то, что от него осталось, — пустая оболочка, не нужная больше и не слишком на директора и похожая!..

Светлана Ивановна сделала неловкое судорожное движение, и из её гигантской сумки на тело посыпались ручки, кошелёк, дурацкое зеркальце с картинкой на крышке, глазные капли, пузырьёк тёмного стекла, полоска пластыря, скатанные в нейлоновый узелок запасные носки.

Она кинулась их собирать, а из сумки всё продолжало сыпаться, и когда она горячей потной ладонью случайно коснулась руки Петра Сергеевича, оказалось, что та холодна и тверда.

— Всё, — сказала Светлана Ивановна и ощупью села на стул. — Вот и всё.

...На «Скорой» приехал молодой, бесцеремонный фельдшер, который всё болтал по телефону и на вопросы только махал рукой — вы что, мол, не видите, я занят, — а как глянул на тело, так весь позеленел и выскочил в палисадник, а Петра Сергеевича на носилки погрузили щетинистые похмельные санитары и понесли неловко, неумело.

— Тихо там, уроните его! — закричала на санитаров Светлана Ивановна, а Галя всхлипнула.

— Да ему уж без разницы, мамаша, — отозвался один из похмельных.

Участковый Игорёчек, которого по молодости лет только так и звали, растерянно бродил по бумажному морю и бормотал себе под нос, что сейчас подъедет начальство, а пока не подъедет, трогать в библиотеке ничего нельзя. Под окнами переговаривались и курили сбежавшиеся соседи — библиотека имени Новикова-Прибоя располагалась в «частном секторе», кругом сплошь сады и в глубине садов — деревянные дома под железными крышами.

— И ведь как знал, как знал, — повторяла Светлана Ивановна. Крохотные красные шарики — лекарство больше не помогали, она тяжело, прерывисто дышала, и в груди как будто паровой молот стучал — бух, бух. — Он ведь мне сколько раз говорил: если я раньше тебя помру, сделай милость, позвони в Москву, сообщи там... Он же сам-то московский!

— Да-а-а, — тянула Галя и всхлипывала.

— Что да, ну что да-то, ведь он молодой совсем мужик! — через силу говорила Светлана Ивановна. — В прошлом году юбилей справляли, пятьдесят лет, разве ж это возраст!.. Я над ним смеялась, бывало: ты, Петь, на моих похоронах простудишься!

— Так он не сам себя, Светланочка Ивановна, его ведь... убили, да? Ведь убили?..

Старая библиотекарьша махнула на Галю рукой.

Во дворе зафырчала санитарная машина, зачем-то надала сиреной, Светлана Ивановна схватилась за сердце.

— Галя, поищи там в сумке телефон-то. Надо звонить, раз покойный приказывал. Господи, это ж не произнести даже, Пётр Сергеевич наш — покойный! А ещё очки и записную книжечку. Поищи там, Галя...

Очки и записная книжка оказались в сумке, а телефон валялся на полу под столом.

Светлана Ивановна нацепила очки, долго, ничего перед собой не различая, листала книжечку — из неё выпадали какие-то бумажки, Галя их все поднимала и складывала себе на колени.

— Ну вот. Петиной рукой записано. Известить Раису Васильевна Горбухину. И телефон, московский, должно быть. Четыреста девяносто пять впереди — это же Москва?

Галя пожалала плечами.

Светлана Ивановна так же долго набирала номер, а когда в трубке длинно загудело, из всех сил выпрямилась и закаменела.

— Раиса Васильевна Горбухина? Это вам из Тамбова звонят. У нас беда случилась. Пётр Сергеевич велел в случае несчастья вам первым делом сообщить, вот я и сообщаю...

Генерал положил трубку, посидел неподвижно, а потом, не зная куда девать руки, пристроил их на затылок.

Известие было до крайности неожиданное и... неприятное. Произошло нечто, чего произойти никак не могло, по опыту он знал, что так не бывает.

— Не бывает, — громко сказал генерал и в кабинетной тишине не узнал собственного голоса, — так не бывает, но так есть.

Он совершенно точно знал, что нужно делать, но всю жизнь был уверен, что делать этого не придётся никогда. Генерал не боялся — он вообще в жизни почти ничего не боялся, — но для того, чтобы приняться за дело, следовало собраться с духом, а у него пока не получалось.

...Что там могло произойти? Что пошло не так?..

Глупо и непрофессионально было спрашивать себя — он не знал никаких подробностей, ничего не видел своими глазами и понимал, что не увидит, — но всё же спрашивал.

...В чём он мог ошибиться? Чего не учёл? Что рассчитал неправильно?..

Оттолкнувшись, он мягко покатился в кресле, упёрся руками в подоконник и посмотрел на улицу. Небо нависло над Москвой, навалилось снеговой чернотой тучей, и от её тяжести трудно было дышать.

— Я не знал, что так получится, Петь, — сказал генерал и опять не узнал собственного голоса. — Да что я, не обо мне речь! Ты-то куда смотрел?! Что ты мог пропустить?!

Тут он понял, что немедленно должен выпить, мельком глянул на часы — оказалось, что времени всего-ничего, одиннадцать утра, — прошагал к буфету, набулькал в тяжёлый стакан виски, много, почти половину, и выпил в два длинных глотка.

Больше сделать ничего было нельзя.

Он вернулся к столу, снял трубку, помедлил и нажал кнопку.

— Собирайте группу, — приказал он. — Код оранжевый.

Там, похоже, не расслышали, потому что ему пришлось повторить:

— Оранжевый!

Ну, вот и всё. Теперь от него ничего не зависит.

Твёрдой рукой он закрыл дверцу буфета, сунул пустой стакан на столик — потом уберут, унесут, — походил по кабинету, уселся в кресло и принялся смотреть на Москву. Ветер ломился в окна, в разные стороны гнал по стёклам неровные дрожащие ручьи. Под дождём город казался съёжившимся, спрятавшимся под железные мокрые крыши.

— Всё выше, и выше, и выше, — пробормотал генерал себе под нос, — стремим мы полёт наших птиц...

С утра Хабаров всласть поругался в диспетчерской с самим Нечитайло, да так, что волоокая Томка, сидевшая и за секретаря, и за помощницу, и за подавальщицу, хотя числилась сотрудницей погранслужбы, выскочила из своей каморки на улицу в одном кителе.

— Шинель накинь! — закричал на неё дежурный офицер. — Холод собачий и ветер штормовой! Куда несёшься!?

— Туда. — Проламываясь через турникет, Томка показала подбородком на улицу. — Я тоже человек! Я ихнюю цветомузыку больше слушать не желаю!

Дежурный проводил её глазами.

На улице ветер ударил так, что девушка покачнулась, схватилась обеими руками за поручень. Длинные чёрные волосы, которыми гордился и любовался весь ГВФ и военные заодно, сами собой поднялись и встали дыбом. Китель, застёгнутый на одну пуговку, распахнулся, затрепыхался, надулся, его почти сорвало.

— От шальная баба!

Дежурный выбрался из-за стола, с усилием распахнул дверь и, почти падая на ветер, втащил Томку в стеклянные сени.

Она захлёбывалась и таращила дикие глаза.

— Ты первый день в Анадыре, что ли, я не пойму?! Сказано — ветер! Нет, понеслась! Мата больше слышать она не может! Стой тут, раз ты такая нежная, тут его не слышать, мата!..

— Вот у меня где этот ваш мат! — Томка, тяжело дыша, попилила рукой по горлу. Другой она яростно заправляла за пояс вырванную ветром блузку. — В ушах вязнет, и день, и ночь одно и то же, как будто по-людски разговаривать нельзя!

— А сама-то чё? — осведомился дежурный, возвращаясь за стол. — Не материшься, голубица?

В кабинете Нечитайло уже доругивались, голоса звучали потише, поспокойнее, понятно было, что спорщики устали и ни до чего не договорились.

Хабаров напоследок послал Нечитайло с его горячкой и мелкой бюрократической душонкой подальше, вывалился в коридор, саданул дверью и закурил.

— У нас тут не курят, — сказал дежурный и захохотал, — постановление правительства и Государственной Думы.

Хабаров Думу и правительство тоже послал, но не так размашисто и цветисто, как Нечитайло. Докурил, загасил окурочок о подошву и швырнул в угол.

— Если кому понадобится, я в бильярдной! — рывкнул он. — Хоть шары погоняю, чем с такими... с вами... разговаривать!..

— А чего такое-то?

— А ничего, твою мать! Мне в Эгвекинот идти, а у него по горячке лимиты!..

— Куда идти, ветер тридцать метров в секунду и поперёк полосы!

— Да пропадите вы все пропадом! — опять во всю силищу заревел Хабаров. — У этого лимиты, у того ветер! Метеослужба прогноз дала — к вечеру уляжется! А там больных трое! И ребёнок!.. Он чего тебе, ждать должен, когда эта гнида мне горячку подпишет?!

— Лёша, — тихонько сказала нарисовавшаяся возле стола Тома, — хочешь, я тебе чайку заварю? У меня плиточный есть, тундровый, ты же любишь...

Мужики на неё оглянулись. Она уже была вся прибранная, аккуратная, глаза держала

долу, пальчики крутили железную пуговку на кителе — диво дивное!..

— Да не надо мне ничего! Мне работать надо, вы это понимаете?!

— Лёш, сало есть, настоящее, домашнее. Бабушка прислала. У них в Калаче дом свой, и куры, и кабанчик... Бутербродов могу наделать.

— Мне сделай! — вскинулся дежурный, и лицо у него стало умильным. — Я знаешь как сало люблю?!

Хабаров махнул на них рукой и широким шагом двинул по коридору.

Дверь в кабинет Нечитайло приоткрылась, из неё вылетел реглан и приземлился на стулья, стоявшие вдоль коридорной стены. Тома подбежала, подхватила реглан и бросилась за Хабаровым.

— Бутербродик сделаю, да, Лёш? И чайку? Послаще, ты ж любишь сладко чтоб!..

Хабаров принял у неё реглан, продел руки в рукава и вдруг усмехнулся:

— Калач — это чего такое?

— Так город такой, Лёша!.. — затараторила Тома. — Калач-на-Дону, я сама с Волгограда, а бабуля с дедулей у нас в Калаче живут, и дом у них там, и сад, и чего только нет...

— Надо же, — себе под нос сказал лётчик Хабаров, — не знал я такого города!

Тома проводила его глазами. Они были ласковые, правдивые, говорящие так откровенно, что дежурный крикнул и отвернулся.

Она дошла до двери в кабинет, оглянулась, но никакого Хабарова уже не было. Она обласкала взглядом его невидимый след, вздохнула и вошла. Оттуда сразу же донеслось недовольное бухтенье Нечитайло, впрочем, вскоре стихшее.

Дежурный покрутил головой и ещё раз крикнул огорчённо — все, вот как есть до одной бабы сохнут по летунам, что в них такого?! Разве что регланы, но в управлении все в регланах, не только летуны! За что же им-то бабья любовь достаётся?!

Ветер улётся так же внезапно, как и налетел, словно и не было его — как всегда, в Анадыре. Хабаров, изнемогший от стуканья бильярдных шаров, смачных анекдотов — ни одного нового, все наизусть давно выучены, — махорочного дыма и плиточного чая, похожего на микстуру, ушёл на полосу.

«Аннушка» на привычном месте показалась ему неожиданно весёлой, а Хабаров думал увидеть её грустненькой — ведь на них обоих с утра пораньше наорал потный Нечитайло!.. Солнце играло на плоскостях, а когда Хабаров вышел из плотной тени диспетчерской, отразилось от стекол кабины и брызнуло в глаза так, что пришлось махом нацепить на нос тёмные очки.

Движок зачехлён, растяжки укреплены, чтоб ветрами самолётик не сдуло в Анадырский лиман, и эти растяжки как будто подтверждали — никуда вы сегодня не полетите, так и будете на приколе торчать!..

Внизу что-то мелькнуло, руку в перчатке как подбросило — Хабаров знал, что это означает. Это означает, что беспородный аэродромный пёс Марат прибежал поздороваться.

— Здорово-здорово, — сказал Хабаров и почесал Марата за ухом.

Марат неистово крутил хвостом, словно пропеллером, и снова и снова подбрасывал руку Хабарова — соскучился.

— Всё выше, и выше, и выше, — напевал Хабаров и в такт гладил пса по голове, — стремим мы полёт наших птиц, и в каждом пропеллере дышит спокойствие наших границ!..

От ангара подошёл техник в синей тёплой куртке и ватных штанах. Поговорили о

Нечитайло и проклятых лимитах, о прогнозе на завтра, о том, что в Доме офицеров вечером новое кино, а после танцы. Это самое новое кино Хабаров видел на Большой земле прошлым летом, но не стал огорчать техника.

— Чего ты маешься, Алексей Ильич? Штатно на Эгвекинот в пятницу пойдёшь, авось и погода, и керосин будут...

— Авось, — согласился Хабаров.

Странное чувство, будто что-то должно вот-вот произойти и ему не придётся в пятницу «штатно» идти на Эгвекинот, вдруг совершенно определённо сформировалось в голове, и Хабаров даже по сторонам оглянулся, проверяя.

Вокруг всё было привычное, давно изученное, ничего нового.

— А я в пятницу с утра движок погоняю, — продолжал техник, — застоялась машинка наша!..

Аэродромный пёс Марат притащил из ангара древний футбольный мяч со спущенной камерой и вмятиной на боку, положил Хабарову под ноги. Тот прицелился как следует, поддал, мяч закрутился, полетел. Марат пританцовывал от нетерпения, а потом бросился ловить.

Лётчик и техник проводили его глазами, а потом техник рассказал анекдот — не просто с бородой, а прямо с сивой бородищей! — и тут уж Хабаров сказал, что знает этот анекдот ещё со времён Качинского лётного училища, и уже тогда он был старым, как мир.

Техник, буркнув: «Ну и пожалуйста», — ушёл, а Хабаров ещё несколько раз кинул Марату мяч.

...Что-то должно случиться. Сегодня. Прямо сейчас.

— Марат, давай, тащи мяч! Ну?! Где ты его бросил?

Ухо уловило отдалённый рокот, нараставший стремительно, из-за сопки вынырнул самолёт — он шёл на малой высоте, заходил от дальнего привода, как будто собирался садиться.

Хабаров спущенным мячом загораживался от солнца, пытался рассмотреть опознавательные знаки.

Рокот двигателей накрыл его, Марат залаял — неслышно из-за грохота, — и на бетон метрах в ста от Хабарова упал какой-то предмет.

Самолёт сделал круг над аэродромом, стал набирать высоту и пошёл в сторону сопки.

От ангара бежали техники.

Хабаров некоторое время смотрел вслед самолёту, а потом тоже побежал и подобрал предмет. Это был небольшой брезентовый свёрток, упакованный по всем правилам.

— Мужики, кто засёк, чей борт? Откуда он вывалился-то?! Не, вы видали?! Его ж не было, а с утра по штормовому ни одного борта не выпустили! С той стороны он пришёл! Да из-за сопки шёл, я его на подлёте срисовал!

Техники говорили все разом, и Марат время от времени влаивал.

— Лёша, чего он сбросил-то? Ты видел?

Хабаров сунул пакет в карман и там, в кармане, придерживал его рукой.

— Видел, — сказал он себе под нос.

...Вот тебе и штатный рейс на Эгвекинот в пятницу!

— Я на вышку, — заявил Хабаров и махнул рукой в сторону КДП. — Бывайте, мужики!..

— Да ладно тебе, Лёха, чего там, в пакете?! Золотой запас? Куда ты понёсся-то?!

Стремительно удалявшийся Хабаров оглянулся и махнул рукой. Пёс Марат подумал и

кинулся за ним.

— Какая-то удивительная для апреля погода, правда? — спросила дама, сидевшая так, чтобы видеть море.

Она сидела уже давно, не читая и не разговаривая по телефону, только смотрела и время от времени маленькими глотками отпивала кофе.

Макс покосился на неё. Он не любил, когда посторонние с ним заговаривали.

Дама целиком и полностью соответствовала месту, где они находились. В старом отеле на самом берегу моря Макс обедал каждый четверг. В ресторане было слишкомлюдно, и еду ему приносили сюда, в просторный тихий, мраморно-бронзовый лобби-бар, всеми окнами выходящий на море. Он всегда садился лицом к высокому окну, и официант непременно отдёргивал белую тонкую штору.

В лобби-баре, да и во всём отеле чувствовался сдержанный шик, не новомодный, напоказ, а как полагается — старинная мебель, картины, правильно истоптанные мраморные плиты на полу, камин, в который для запаха подкладывали кипарисовое полено. Хрустальные люстры, от времени чуть серые в глубине, как осевший к весне сугроб, едва теплились, сочились приятным спокойным светом.

Как правило, здесь было мало людей, и они никогда не заговаривали друг с другом!..

— Впрочем, — продолжала дама, — погоду в Прибалтике предсказать невозможно. Особенно весной.

Макс подумал, не промолчать ли и на этот раз, но всё же ответил:

— Согласен с вами.

И вновь зашуршал газетой. Он принципиально узнавал новости исключительно из газет — не из интернета или телевизора. С каждым годом достать газеты становилось всё труднее, но для Макса доставали.

— Вы здесь отдыхаете? — продолжала дама. — В Калининграде?

— Я здесь живу, — признался Макс.

Дама взглянула на него.

— Не похоже.

— И тем не менее.

...Лет ей может быть сколько угодно — тридцать восемь или пятьдесят пять. Одета стильно и без всякого вызова. Бриллианты в ушах и на пальце, как раз подходящие для обеденного времени — не слишком крупные и не слишком мелкие. Маленькая сумочка наперекор моде, — в моде как раз огромные — совсем не новая, Джейн Биркин гордилась бы, что сумочка с её именем носится годами.

Прекрасно, решил Макс и уставился в газету.

Там некий журналист, постоянно ссылаясь на свой блог, рассуждал о скором крахе, конце времён, финишной прямой цивилизации. Макса всегда развлекали такие рассуждения.

— Принесите мне еще кофе и, пожалуй, лимончелло, — сказала дама подошедшему официанту.

— Мне тоже кофе, газированный воды, лёд и лимон, — распорядился Макс и столкнулся с ней взглядом.

...Ей что-то от меня нужно. Просто так она не отстанет.

— Вы же Макс Шейнерман, — подтверждая его мысли, констатировала дама. — Правильно?

— Абсолютно. Мы знакомы?..

Она улыбнулась. Зубы, как ни странно, у неё были свои, не пластмассовые.

— Всякий, кто так или иначе интересуется искусством, знает, как выглядит Макс Шейнерман.

— Спасибо.

Она едва заметно повела плечами:

— Это не комплимент, а чистая правда. Меня зовут Елизавета Хвостова. Я коллекционирую Льва Бакста.

Макс улыбнулся:

— Исключительно Бакста?

— Среди прочих, — быстро ответила Елизавета Хвостова. — Вы самый авторитетный специалист по художникам из «Мира искусства», и сам Бог мне вас послал.

Макс покосился на газету с рассуждениями о крахе цивилизации, вздохнул, отложил её и сделал слушающее лицо.

— Мне показали чудный портрет, — начала дама, — совершенно роскошный и в превосходном состоянии! Специалисты утверждают, что это Бакст, девятьсот второй год.

— Чей портрет?

— Графини Келлер.

Макс удивился:

— Портрет графини Келлер очень хорошо известен, это действительно Лев Самойлович Бакст и действительно тысяча девятьсот второй год, хранится он в Зарайске, в музее «Зарайский Кремль». Ну, если не похищен, конечно, но мне об этом ничего не известно.

— Вы правы, — сказала дама, — но мне удалось узнать, что было написано два портрета. Два! Один действительно в музее, а вот второй остался в частной коллекции и сейчас продаётся.

— Два портрета графини Келлер?! — Макс был поражён. — И один из них в частной коллекции?

— Да, да.

Принесли кофе, и они молчали, покуда официант неслышно расставлял на столах чашки и стаканы. Море — зелёное, лохматое, ледяное — бухало в гранит набережной. Там, где на него падало солнце, оно было почти изумрудным, а в тени — малахитовым, в черноту. По набережной прогуливались пары, катились на велосипедах дети, фотографировались девицы с развевающимися волосами.

— Помогите мне с этим портретом, господин Шейнерман, — попросила Елизавета Хвостова, когда официант отошёл. — Разумеется, все экспертизы будут проведены самым тщательным образом, но мне необходимо ваше мнение.

— Могу высказать своё предварительное мнение. История совершенно невероятная.

Дама в упор посмотрела на него.

Щёголь, фронт. Костюм сшит на заказ, к креслу прислонена трость — вот как!.. Красавец — тёмные волосы, яркие глаза, резко очерченные скулы, выразительный нос. Никакой славянской неопределённости и размытости черт. Всё искусно вылеплено, как будто тоже сделано на заказ!.. Заказывая себе лицо, вряд ли можно получить лучше, чем это. Неожиданно молод, на фотографиях выглядит старше. Держится снисходительно, но насторожен, впрочем, так и должно быть.

Макс дал ей себя изучить. Он был заинтригован.

— Частная коллекция, о которой вы говорите, находится в Москве?

Елизавета качнула головой:

— Нет, в Париже.

— Удивительное дело, — пробормотал Макс.

— Если вы согласитесь дать заключение, все расходы я, разумеется, возьму на себя — перелёт, отель, пребывание. У вас сейчас есть время?

Он засмеялся и уточнил:

— Мы уже договариваемся?

— Послушайте, вы эксперт с мировым именем!.. Я никогда не заполучила бы вас, если бы мы сегодня не столкнулись в этом... милом местечке. Я здесь пробуду ещё два дня, у меня короткий отпуск, и я стараюсь всегда бывать весной в русской Прибалтике. Потом улечу в Москву, а оттуда в Париж.

— Всё это замечательно, — сказал Макс, — но я на самом деле работаю только по рекомендации. Кого из искусствоведов вы знаете? Может быть, кураторов?

— Разумеется, многих! — воскликнула Елизавета нетерпеливо. — Если хотите, я составлю список и пришлю вам на почту.

— Если имеется в виду электронная, то у меня её нет. Я не пользуюсь подобными средствами связи.

— Почему?..

Он пожал плечами:

— Не люблю. С вашего разрешения... — Макс поднялся, нащупывая в кармане портсигар. — Я вернусь через пять минут.

На набережной было ветрено и солнечно так, что пришлось зажмуриться. Море било как будто в ноги — ба-бах, ба-бах! — а потом шуршало по камням, отступая. Ветер закинул за плечо галстук, растрепал волосы. Макс взялся обеими руками за перила и посмотрел в воду.

...Невероятная история! Два портрета графини Келлер, один из них в Париже!.. Фамилия Хвостова ничего ему не говорила, а всех более или менее значимых коллекционеров Макс знал в лицо, по номерам телефонов и по именам жён! Впрочем, нынче каждую минуту, как из воздуха, возникают новые коллекционеры и знатоки, которых завтра не будет, и их наспех собранные коллекции станут так же наспех распродаваться.

...Новый Бакст — это интересно.

Решив, что курить не станет, он не спеша поднялся по широким ступеням — швейцар распахнул перед ним дверь, — уселся на своё место и сказал Елизавете, что подумает над её предложением, но рекомендации всё же необходимы.

— Как вы осторожны! — воскликнула Елизавета, не слишком им довольная.

— Опыт, — развёл руками Макс. — Я тратил бы уйму времени впустую, если бы работал без рекомендаций.

Подошел официант и почтительно положил перед ним визитную карточку.

— Просили передать.

Макс посмотрел на карточку. Подумал немного и перевернул её. На обратной стороне были написаны две буквы и цифра. Макс спрятал карточку в нагрудный карман.

...Какой сегодня странный день.

Он допил воду, спросил счёт и велел принести пальто.

— Итак? — спросила Елизавета Хвостова.

— Итак, до завтра, — любезно откликнулся Макс. — Я заеду сюда специально в это же время, вы укажете мне людей из мира искусства, с которыми вы знакомы, и я с ними свяжусь. Вот и всё. Это будет наш первый шаг.

Она кивнула и опять стала смотреть на море.

Очень хороша!.. И загадочна. Жаль, что из совместного изучения неизвестной работы Бакста ничего не выйдет, и мы больше никогда не увидимся.

Макс облачился в пальто, сунул под мышку трость, кивнул официанту и неторопливо пошёл по набережной.

— Всё выше, и выше, и выше, — напевал он себе под нос, — стремим мы полёт наших птиц...

В очаге горел огонь, дым вился вокруг столба и уходил вверх под почерневшую крышу в специальное отверстие, которое никогда не закрывалось. На лавках в левой женской половине сидели перепуганные женщины и дети в тёплых куртках и брюках, хотя топились с утра, и в аиле было тепло.

Самая молодая, с жёлтым от загара лицом и узкими чёрными глазами, качала на руках младенца. Младенец заходился от крика, выгибал спину, как будто стремился вырваться из тесного кулька, в который был запелёнут.

От страха молодая женщина говорила только по-алтайски, и Джахан не всё понимала.

— Два дня криком кричит, — переводила про себя Джахан. — Не ест. Вчера воды попил с сахаром, а сегодня не пил. Огнём горит. Лесной дух вселил в него болезнь. Я к матери его повезла в деревню через перевал. А на перевале баловался кто-то. Из поджиги стрельнул, близко. Лошадь смирная, а тут испугалась, шарахнулась. А у меня ребёнок за спиной привязан. Я её удерживать, а тут опять стрельнули. И не помолилась я на перевале, ленточку не повязала! Не попросила разрешения дальше идти. А на другой день он заболел.

Джахан взяла у неё из рук потного, извивающегося ребёнка, положила на деревянные доски стола и стала разворачивать. Ребёнок кричал и выгибал спину.

— Соседи сказали, ты лучшая лекарка. На тебя вся надежда. Поговори с духами, попроси, чтобы простили моего сына, не виноват он, я виновата, я возле бурхана не остановилась!.. Соседи сказали, ты единственная, кто ещё умеет с духами разговаривать.

Женщины на лавках загомонили и закивали, подтверждая: Джахан — последняя надежда.

Ребёнок был завернут в несколько одеял, изнемогал от жара, и первым делом его следовало напоить.

— Только не говори, что в больницу надо, — продолжала мать, и слёзы вдруг полились у неё из глаз. — Как туда попасть, в больницу? Самая распутица, и муж на лодке на промысел ушёл. Свекровь сказала, живым из больницы сын не вернётся. Не разрешает она в больницу. Поговори с духами, лекарка. Мы в долгу не останемся, только умоли их!.. Чтоб болезнь сына отпустила.

Ребёнок, освобождённый от одеял и изнемогший от крика, немного притих и теперь лишь обессиленно плакал, скулил, как щенок.

Джахан сняла со стены бубен — женщины в одну секунду как по команде затихли, и дети смолкли, стало слышно, как потрескивает, рассыпаясь, уголь в очаге, как булькает вода в алюминиевом чайнике.

Джахан закрыла глаза, тихонько потрясла бубном. Бубен зашелестел ей в ответ, и стало

ещё тише. Младенец всхлипнул и опять заскулил:

— У-у-у, у-у-у...

Джахан равномерно трясла бубном, постепенно и очень медленно приближаясь к столу, на котором лежал младенец, по-особенному ставя ноги, как будто танцуя. Бубен бил всё громче. Джахан стала подпевать бубну, звук шёл даже не из горла, а как будто из глубины тела, низкий, утробный.

Приблизившись окончательно, Джахан стала бить в туго натянутую кожу бубна прямо над головой ребёнка. Время от времени она обводила бубном вокруг, и создавалось впечатление, что в полутьме аила за ним тянется огненный след.

Танец и пение оборвались неожиданно. Джахан замерла, и бубен у неё в руках замер.

— Уходите все, — по-алтайски сказала Джахан, не поворачиваясь. — И не возвращайтесь, пока не позову.

Дети кинулись к выходу, за ними женщины, дверь испуганно заскрипела, потом брякнул замок.

Джахан оглянулась. Никого.

Она аккуратно положила бубен, сказала ребёнку:

— Ты мой хороший, сейчас, сейчас...

И вытащила из огромного кованого сундука медицинский чемоданчик. Разложила чемоданчик на столе, выхватила стетоскоп и градусник.

Распеленав малыша окончательно и обнаружив на нём вполне современный памперс, Джахан хмыкнула себе под нос:

— В больницу, значит, нельзя, а памперс, значит, можно?..

Послушав лёгкие и сердце — везде было чисто, — она поставила малышу градусник, высыпала в бутылочку порошок, развела водой, закрутила соску и дала младенцу попить. Ребёнок жадно выпил воду с порошком, покраснел от натуги, собрался с силами и опять заорал. Джахан дала ему ещё воды.

— Прекрасно он пьёт, что вы мне говорите — не пил, не пил!.. — бормотала она себе под нос.

Она ощупала животик, проверила лимфатические узлы, разорвала стерильный пакет, плоской палочкой прижала язык и заглянула в горло.

— Вот ты какой молодец, — приговаривала Джахан, — вот ты какой большой хороший мальчик, тётя тебя в больницу не повезёт, тёте и без больницы всё ясно.

Младенец был упитанный, тяжёленький, весь в складочках и перетяжках, и пахло от него хорошо — детским тельцем и немного овчиной.

Джахан ловко и быстро обтёрла его губкой, предварительно налив в глиняную миску тёплой воды с уксусом, потом достала шприц и сделала укол.

Мальш, которому стало легче, больше не кричал и не скулил. Он израсходовал весь свой запас сил и почти засыпал, только время от времени распахивал тёмные узкие глаза, но сон одолевал его.

Джахан одела его в комбинезон и шерстяные одёжки, погладила по животу — он спал — и стала ликвидировать следы своей медицинской деятельности. Обёртки, пакеты и шприц она сунула в карман висевшего на стене тулупа — не забыть потом выбросить. Стетоскоп и градусник аккуратно вернула в чемоданчик, а чемоданчик в сундук. Для конспирации сверху на сундук она навалила тяжёлый тюрхан — одеяло из овечьей шерсти. Огляделась по сторонам — всё в порядке, — взяла бубен и тихонько им тряхнула.

Младенец длинно вздохнул и раскинул ручки.

Джахан ещё немного потрясла бубном.

— Всё выше, — напевала она себе под нос и отбивала такт, — и выше, и выше стремим мы полёт наших птиц, и в каждом пропеллере дышит спокойствие наших границ.

Допев куплет, она пристроила бубен на стену, послала ему воздушный поцелуй, сделала серьёзное и утомлённое лицо и распахнула дверь на улицу.

— Мой сын... не умер? — спросила мать.

Остальные женщины, толпившиеся у колодца, бросились к ним и замерли.

— Твой сын спит, — сказала Джахан по-русски. — Войди и заведи его.

— Ты умолила духа перевала?

— Дух перевала не был на тебя обижен, — успокоила её Джахан. — Он видел, что мальчишки с патронами напугали твою лошадь. Наоборот, он проводил тебя и приглашает приходить ещё.

...Зря я это сказала. Духи никогда и никуда не приглашают людей, я же знаю.

Впрочем, никто не обратил на это внимания.

— Почему тогда мой сын горел и плакал? И не ел?

— У него зубы режутся, — объяснила Джахан. — У тебя первый ребёнок?

— Зубы? — переспросила молодая женщина, оглянувшись на подруг, и все они разом заулыбались и закивали. — Свекровь сказала, что зубы не могут резаться так рано!

— Твой сын богатырь, — объявила Джахан. — И у него режутся зубы. Купи здесь, в посёлке в аптеке, специальное кольцо и давай ему пожевать, когда он станет капризничать. У него чешутся дёсны, а почесать их он не может.

— Свекровь сказала, что зубы должны появиться к лету...

— Возможно, у неё самой зубы должны появиться к лету! — перебила Джахан. — А у твоего сына они режутся сейчас, причём сразу два!..

Женщины засмеялись.

— Спасибо тебе, лекарка, — поклонилась мать. — Мы не останемся в долгу. Я привезу молодой баранины, сыру и четыре самые тонкие овечьи шкуры.

Джахан кивнула, соглашаясь.

Мать запеленала спящего малыша в тугую куль, ловким неуловимым движением увязала его себе за спину, и они все пошли к коновязи, где топтались кони.

Они подсаживали детей и одна за другой ловко взбирались на лошадей.

Джахан прикинула — до их села километров пятнадцать через горы, а по тракту далеко, все сорок. Значит, пойдут через горы.

Она вздохнула и помахала вслед процессии рукой.

...Можно выпить чаю и съесть бутерброд. Свежий серый хлеб и копчёная колбаса!.. За копчёной колбасой Джахан специально ездила на поезде в Барнаул, а хлеб пекли в деревне, очень вкусный.

В маленьком расписном чайничке она заварила английского чаю, поставила на поднос пиалу, тарелку с бутербродами и вышла на улицу. В аиле было темновато, а на улице ещё светло, хорошо, хоть и холодно.

Лавочка у неё в саду была вкопана так, чтобы видеть горы — совсем далёкую, голубую, тающую в небесах Белуху и ближние поросшие лесом, с гранитными лысынами, тёмными провалами и языками снега.

Она устроилась на лавочке, потёрла замёрзшие руки, налила в пиалу чаю и с

наслаждение глотнула. Хорошо!..

...До районной больницы в распутицу не добраться, только на вертолёте, а где его взять, вертолёт?.. Жители Горного Алтая привыкли обходиться своими силами — чудодейственными травами, настойками и молитвами. Медицина сильнее молитв, но здесь нет никакой медицины! Джахан поначалу этого не понимала, а потом поняла.

Чай в пиале быстро остывал — под вечер стало холодно. Сейчас солнце уйдёт за гору, вывалятся звёзды, и ещё подморозит. Джахан подлила горяченького, взяла бутерброд и откусила. Какая тишина и какой суровый покой! Здесь почти нет людей, машин, дорог, зато есть планета Земля в том самом виде, в котором когда-то её создал Бог. Или духи, Джахан ещё хорошенько не разобралась.

Солнце совсем приготовилось нырнуть за гору, но ещё освещало островерхие скалы, и вечный снег постепенно синел и всё меньше становился похожим на рафинад, когда на далёком склоне Джахан заметила какое-то движение. Она насторожилась и перестала жевать и прихлёбывать.

Она выходила посмотреть на этот склон каждый день — утром и вечером. Там не должно быть никаких движений!..

Она посидела, вглядываясь в сплошную массу тайги.

Долго ничего не происходило, а потом оттуда, из глубин, вспыхнул свет, мигнул и погас. Теперь она точно знала, что ей ничего не померещилось. Она сцепила руки и ещё подождала. Если всё правильно, сигнал повторится в третий раз.

Свет вновь вспыхнул.

— Понятно, — сама себе сказала Джахан.

Она неторопливо допила чай, доела бутерброды и отправилась в дом.

Собравшиеся нетерпеливо покашливали, переговаривались, перегибались друг к другу за спинами сидящих, в зале стоял ровный неумолчный гул. Лекция задерживалась уже на полчаса.

Впрочем, предполагалась даже не лекция, а некий дружеский обмен мнениями, небольшой праздник для души, погрязшей в ежедневной рутине, коротенькое, на несколько часов, освобождение от всего обыденного и низменного. В общем, разговор об искусстве среди своих.

В небольшой галерее на Волхонке по соседству со знаменитым и великим музеем были выставлены работы Даши Жу, так прогремевшей на последней лондонской выставке. Работ было немного — всего один зал, — и это казалось странным при современном подходе. Творцы творили много, часто, обильно, и, если художник становился модным, работы его не задерживались — их быстро раскупали любители современного искусства.

Молодая художница или была ленива и творила мало, или большинство её работ уже разошлось по личным коллекциям, такое тоже возможно.

До лекции предполагалось знакомство с работами, и собравшиеся ознакомились с ними довольно быстро — ввиду их немногочисленности.

Инсталляция «Гром аплодисментов» — четыре пары гипсовых рук, как будто аплодирующих в разных стадиях: вот ладони только занесены, вот сходятся ближе, вот, наконец, прижаты друг к другу, и снова расходятся. На огромном заднике — тёмный зрительный зал и далёкая сцена. Кресла зала заняты отрубленными головами с оскаленными ртами и вываленными языками. На сцене — понурая синяя лошадь.

— Это же совершенно новый взгляд на современный театр! — говорили возле «Грома аплодисментов». — Театр — единственное, что осталось, последний глоток воздуха, но это искусство для мёртвых умников! Головы неспроста. И языки немые, они уже ничего не смогут сказать. Они задохнулись от смрада сегодняшней жизни.

— А лошадь?

— Лошадь, по всей видимости, символизирует народ. Бессловесный народ, который ходит под ярмом!

— На сцене? — сомневался спрашивающий. — Народ?

— Вся сегодняшняя жизнь — перформанс, неправда! Мы все так или иначе находимся на сцене. Нет, эта Даша Жу — находка.

— А почему такой странный псевдоним?

— У неё фамилия Жукова, она не хочет никаких ассоциаций с женой миллионера, чтобы никто не подумал, что ей покровительствуют.

— А ей не покровительствуют? Совсем новое имя, и вот уже выставка на Волхонке!..

В зале переливался свет — красный с синими всполохами, и оператор в десятый раз проверял камеру, направленную на кресло с высокой резной спинкой в центре небольшого помоста. По креслу ходили красные блики. К подножию был брошен букет белых лилий.

Главное действующее лицо появилось совершенно неожиданно, как будто произошел акт материализации. Только что на помосте никого не было, и вдруг собравшиеся обнаружили прямо перед собой тоненькое, узкое, длинное, сверкающее и переливающееся существо.

— Я начну, — утвердительно сказала существо низким голосом.

В креслах удивленно смолкли, и из зала с картинами и инсталляциями потянулся народ, привлечённый неожиданным звуком.

— Этика в современном мире, — продолжало существо, покачиваясь в перекрестье лучей, — стала эпицентром философской рефлексии. Теоретические исследования Джудит Батлер, Джорджо Агамбена, Саймона Критчли и других мыслителей говорят именно об этом. Значимый философ Ален Бадью ратует за онтологический статус этики. Происходит процесс высвобождения субъекта из структур дисциплинарного общества, за пределы предустановленных иерархий и нормативных порядков. Сет Сигелауб утверждал, что «демистификация музея» и его эмансипация от институциональной инфраструктуры рождает новые формы отношений «творец и мир».

От говорящей невозможно было оторвать глаз. Она искрилась вся — от длинных ровных белых волос до носков туфель, выглядывающих из-под краешка длинного платья, и низкий ровный, почти без интонаций, голос удивительно не подходил общему сверканию.

Лекция продолжалась минут сорок — в зале опять начали перешептываться и покашливать, поглядывать на часы и на экранчики телефонов, копаться в сумках.

Художница перестала говорить так же внезапно, как и начала. Она просто замолчала, сделала шаг, наступила на белые лилии и сошла с помоста. Ей неуверенно зааплодировали. Вспыхнул свет.

Даша Жу провела рукой по белым волосам и неторопливо оглядела собравшихся. К ней подходили знакомые, хвалили лекцию, хвалили работы. В некотором отдалении маялся бородатый мальчик, по всей видимости, один из журналистов, не решавшийся к ней приблизиться, с диктофоном наготове.

— Прекрасно, — говорил пожилой иссохший юноша в розовом тюрбане, круглых

зелёных очках и клетчатых лосинах. — Всё правильно! И лекция, и выставка. Я даже не ожидал. Ты молодец, подруга.

— Я молодец, — подтвердила Даша медленно, почти по слогам.

— И этот готический свет на тебе, на цветах! Очень хорошо продумано. И блёстки! Ты же их никогда не носила!

— Это для сцены.

— Понятно, понятно. Журналисты все в восторге, я там среди них потоптался немного. Жди завтра взрыва в Сети.

Даша кивнула.

В толпе появились чёрно-белые официанты с шампанским и крохотными тарталетками на кружевных салфеточках.

— Ещё и выпивка! Ты совсем молодец, Дашка!..

Она только улыбнулась.

Разговаривали о чём угодно, только не о Дашиных картинах и лекции. Говорили про выставку Серебряковой, про то, что в Музей личных коллекций привезли узбекских художников двадцатых годов, стоит сходить, это большая редкость, и странно для Пушкинского, логичней выставлять в музее Востока, про какую-то громкую премьеру, сопровождающуюся, как водится, скандалом, а потому имевшую шумный успех. Когда Даша подходила, ей говорили, что она талант и умница, и продолжали о своём. Никто не расходился.

На каблуках, в облегающем, как чешуя, платье, с волосами, залитыми особым сверкающим лаком так, что невозможно было ни повернуть, ни наклонить голову, Даша устала до такой степени, что не могла как следует вдохнуть — всё время не хватало воздуха.

Она взяла у официанта с подноса бокал и поманила пальцем бородатого мальчика, который так и не решался подойти. Пока она смотрела, как он приближается, весь потный от волнения, кто-то, проходя мимо, опустил в её бокал красную розу.

Даша потрогала прохладные лепестки и усмехнулась.

— О чём вы хотите со мной поговорить?

Мальчик содрогнулся, принялся тыкать в диктофон и пробормотал, не поднимая глаз:

— Я бы хотел о... о радикальных художественных языках и практиках. Ведь то, что сегодня было... оно давно устарело, это формат позавчерашнего дня. Основные дискуссионные площадки давно уже в интернете. Или вы считаете, что дискурсивные выставки хоть и неэффективны, но всё ещё необходимы?

Даша вытащила розу из бокала.

— Это слишком серьёзный разговор для нашего вечера, — доверительно сообщила она мальчику. — Позвоните мне завтра часа в три, и мы обо всём договоримся.

— Конечно, конечно. — Мальчик кивнул и снова стал тыкать в диктофон. Вдруг взглянул на неё и выпалил: — Вы необыкновенная!..

Даша слегка кончиками пальцев коснулась его рукава — в поддержку того, что она необыкновенная, — и стала пробираться к выходу. Когда её нестерпимо сверкающее платье скрылось за скучными плечами и спинами, мальчик вдруг сообразил, что она не оставила телефона и завтра в три часа звонить ему некуда.

Он кинулся следом, но её нигде не было. Он искал долго и отчаянно, и не нашёл.

Закрыв за собой дверь в зал, Даша первым делом стянула шпильки, застонала от облегчения и быстрым шагом пошла по тёмному коридору к комнате, где оставила пальто и

ключи от машины. Розу и туфли она несла в руке.

За окном промелькнула чья-то голова, на мгновение загородила свет. Светлана Ивановна поверх очков посмотрела на улицу. В эту секунду на библиотечном крыльце загрохотало и как будто что-то покатилося.

— Итить твою налево!..

Светлана Ивановна в волнении сдёрнула очки. После смерти директора она стала пугливой, соседки говорили, что у неё «нервоз».

— Прошу прощения, — громко сказал в дверях здоровенный молодой мужик. — Я у вас там цветочек уронил. Но уже поправил!..

Светлана Ивановна поднялась из-за своего стола в «абонemente» и спросила:

— Вы к нам? — И ещё зачем-то добавила растерянно: — У нас тут библиотека.

Затем, должно быть, что посетитель решительно был не похож на библиотечных завсегдатаев. Он оказался высок, широк в плечах, коротко стрижен. Кожаная куртка сидела на нём, словно он в ней родился.

— К вам, к вам, — сказал высокий. — Вы Светлана Ивановна? Сейчас вместе покойного Петра Сергеевича?

— Д-да, а что такое?

— Во-от, а я, стало быть, Хабаров Алексей Ильич, из Министерства культуры.

— Из Министерства... культуры? — тягостно поразилась библиотекарша и взялась за сердце. Из читального зала подошла Галя и встала в дверях.

Высокий приблизился к «абонementу». Чёрная кожаная сумка болталась у него на боку, ремень через всю грудь, как пулемётная лента. Покопавшись во внутреннем кармане, он извлёк оттуда удостоверение и сунул Светлане Ивановне.

— Прислали разобраться с вашими потерями! — объявил он как-то даже весело. — У вас ведь тут потери произошли?

Светлана Ивановна, приставив очки к носу, посмотрела на удостоверение.

— Из хозяйственного управления, — пояснил мужик доверительно и крепко уселся на стул. — У нас как узнали, что на вас налёт был, так начальник и решил, что нужно на месте разобраться. Что с фондами, что с единицами хранения. То-сё, пятое-двадцатое.

— Почему же нас-то не предупредили? — вымолвила Светлана Ивановна и оглянулась на Галю. — Мы бы подготовились!..

— Да не нужно готовиться, — уверил мужик добродушно. — Вы мне покажете каталоги, карточки, проведём ревизию убытков, подпишем актик, да и все дела. Министерство потери компенсирует.

— Какое к нам внимание в Москве...

— А сейчас всем библиотекам внимание, — заверил Хабаров. — Говорят, библиотечное дело народу самое необходимое, а толком никто работу не ведёт!

— Как это, никто работу не ведёт? — вскинулась Светлана Ивановна. — Что значит — не ведёт?! Да у нас в библиотеке что ни суббота, то мероприятие культурное! И писатели у нас выступают, и всякие интересные люди, конкурс стихов недавно провели, «Поэты Черноземья» называется!..

— Да я не об этом, — энергично возразил Хабаров. — Я как раз о том, что с финансированием того, денег мало отпускают! А вам фонды восстанавливать надо! Вот я о чём!..

— Так вы не ревизор?

— Да какой я ревизор! — Он расстегнул свою сумку и вынул бумагу с синей печатью в файловой папке. — Тут всё написано.

Светлана Ивановна уселась и принялась читать, а гость в это время оглядывался по сторонам заинтересованно.

— Здесь он помер-то, да? Директор ваш?

Светлана Ивановна горестно подтвердила — да, здесь.

— В этом самом месте?

— Вот тут он лежал, когда я вошла. — И она показала, как лежал Пётр Сергеевич. — И уже холодный совсем!..

— Вы только не волнуйтесь, — издалека сказала Галя.

— Господи, как вспомню!.. Главное, замок открыт был, на одной дужке болтался. Но мне и в голову не могло!.. Я вошла, а ту-ут! — И она развела в разные стороны руками. Щёки у неё покраснели и набрякли. — Тут живого места нет, всё перевернуто, перекинуто, стеллажи сдвинуты! Мы уж потом, как милиция разрешила, целый день по местам всё расставляли, да и сейчас до конца не разобрались.

Хабаров сочувственно кивал.

— А много единиц похищено?

Библиотекарша вздохнула и посмотрела на него поверх очков.

— Да мы еще... не поняли, — выговорила она неохотно. — Так вроде... Всё на месте. Перепорчено много — журналов, газет, все подшивки распотрошили сволочи эти!..

— А их что, много было?

— Да весь архив за последние десять лет тут был, в абонементе!

— Да не архив! Сволочей много было?

Галя оглянулась на читальный зал и подошла к столу.

— Не знаем мы, — сказала она. — Светланочка Ивановна, выпейте таблеточку, а?.. Я сейчас водички, а вы пока таблеточку найдите. Или я вам найду!

— Разве нам кто чего скажет? — говорила Светлана Ивановна, задыхаясь, пока Галя разыскивала «таблеточку». — Кто мы такие? Пустое место, библиотекари! Кто тут шуровал, как Петрушу убили, ничего мы не знаем! Сколько их было, налётчиков, что им у нас понадобилось — всё тёмный лес. Вот у вас там, в министерстве, небось кругом охранники понаставлены, так просто не войдёшь, культура на замке, а у нас что?.. У нас и замков-то не было никаких, только что на входной двери, и сигнализацию поставить так и не собрались!

Галя принесла чайник и кружку, Светлана Ивановна попила немного, отдышалась.

— Жалко Петю, — сказала она с сердцем. — Хороший мужик был, понимающий.

Хабаров смотрел на неё внимательно.

Он был уверен, что первый визит в тамбовскую библиотеку имени Новикова-Прибоя объяснит ему хоть что-то, но очень быстро стало понятно: никаких объяснений с ходу он не найдёт.

...Начнём работать.

— Девушки, — сказал он, и обе на него уставились. Он через голову стянул ремень сумки-патронташа, — вы мне местечко отведите поближе к каталогам, я и приступлю. У меня на всё про всё дня, ну, три!.. И не обращайтесь на меня внимания, только покажите, что где стоит.

— Не обращайтесь, — пробормотала Светлана Ивановна. — Как же!.. Из министерства, ε

мы — внимания не обращайтесь!.. Галь, много у тебя там народу-то?

— Как всегда. Маша романы любовные читает, и дядя Дима пришёл газеты посмотреть.

Дорого стало выписывать.

— Хотите в читальный зал? Там тихо и места много.

— Мне бы лучше в кабинет Петра Сергеевича. Или здесь. Разворовали абонемент, а не читальный зал, правильно?

Вскоре всё устроилось. Хабаров притащил свободный стол, весь занозистый и испещрённый надписями «Гоголь дурак», «Пушкин — солнце русской поэзии», а также сердцами, пронзёнными кривыми чернильными стрелами. Стол он установил возле окна за стеллажами, сходил в кабинет Петра Сергеевича и приволок оттуда каталожные ящики.

Библиотекари помогли ему устраиваться.

Хабаров уселся за стол, придвинул к себе ящики и стал вынимать карточки.

— А что электронный каталог?

— Есть, есть, как не быть. Только он не полный. Года три назад принялись составлять, у нас тем летом студенты из библиотечного техникума на практике были. А потом практика у них кончилась, а у нас всё руки не доходят.

— И компьютеров не хватает, — тихонько сказала Галя. — Который год обещают читальный зал полностью оснастить! Вы бы там, в министерстве, поговорили.

— А мы с вами докладную записку составим, — откликнулся Хабаров бодро. — Я доставлю, куда следует.

Они ему мешали.

Вскоре Светлану Ивановну отвлекли — явились две тётки за новыми детективами, а Галя ещё некоторое время маячила поблизости.

Оторваться от Хабарова она не могла, хоть и сердилась, и заставляла себя вернуться на рабочее место. Мужчина, как из телевизора. В библиотеке она таких и не видела никогда!.. Особенно хорошо он улыбался — кривоватой залихватской улыбкой, белые зубы сверкали, светлели ореховые глаза, и весь он становился своим, будто давно знакомым, неопасным. Так бы и смотрела целый день, как он карточки раскладывает. Или через голову стаскивает ремень сумки, а потом приглаживает волосы большой красивой рукой!..

Она и не ушла бы, но Светлана Ивановна, проведив читательниц, начала покашливать за стеллажами, а потом позвала Галю, и когда та подошла — как во сне, — велела заняться делом.

— Он же из Москвы! — говорила Светлана Ивановна грозным шёпотом. — А ты возле него торчишь, делать тебе нечего! Напишет, что у нас штаты раздуты, сократят всех!

Оставшись в одиночестве, Хабаров продолжал копаться в карточках.

Фотографии с места происшествия он видел — тело лежало возле стола на спине, никаких следов борьбы или насилия. Впрочем, от чего умер директор библиотеки, должен сказать эксперт, сейчас гадать не имеет смысла. От этого окна — Хабаров оглянулся — ничего не видно, кроме книжных стеллажей. Сигнализации никакой нет.

...Нет, тайник не может быть здесь. Нужно искать где-то ещё. Библиотека крохотная — домик в саду, — внимательно осмотреть помещения не составит труда.

Замок, висевший на ржавом гвозде справа от входной двери, Хабаров осмотрел первым делом, ковыряясь на крыльце с перевёрнутой геранью. Замок был ни взломан, ни сорван. Или у пришельцев — пришельца! — был ключ, или открыл замок сам директор.

...О пришельце или пришельцах тоже покамест ничего не известно. Вполне возможно,

что нападение на библиотеку — декорация, представление.

В то, что Петра Сергеевича мог убить случайный человек или даже несколько случайных людей, Хабаров не особенно верил.

Время от времени он вставал из-за стола, выдвигал книги, как бы сличая названия с каталогом, прикидывал, откуда именно и что именно видно. С разных ракурсов он изучил сутулую спину Светланы Ивановны, её зелёную шаль с кистями, громадную сумку, прислонённую к тумбочке, старенький компьютер, открытый на одной и той же странице, запасные туфли со стёртыми каблуками и плетёную мусорную корзину на полу.

...Происшествие в библиотеке — случайность, хулиганство или целенаправленная охота? Кто охотник, и откуда он пришёл? Почему директор библиотеки никого не предупредил, если понял, что за ним охотятся? Или он не понял?...

Хабаров выбрался из-за стола — Галя моментально возникла в дверях читального зала и встала как вкопанная, и Светлана Ивановна оглянулась. Возле её стола болтались прыщавый мальчишка в кривых очках и худая бледная девочка с жидким хвостом на затылке.

— Вы мне Сапковского ещё на той неделе обещали, — гундосил мальчишка и поддёргивал очки. — А «Экспансию» вернули? Или опять нету?..

— Я покурить, — шепнул Хабаров библиотекарьше.

На крыльце он зажмурился — день был яркий, холодный и ветреный, какие бывают только в апреле, словно в ожидании праздника, — прикурил, из-за сложенных ковшиком ладоней наблюдая за садом и дорогой.

Никого.

Не спеша Хабаров сошел со ступеней, постоял немного и двинулся вокруг библиотеки.

Возле каждого окна он останавливался и оглядывался по сторонам — как бы любуясь яблоневым садом.

За штакетником прошли женщины с сумками, громко разговаривая о выпускном вечере у какой-то Веронички и о том, что при нынешних ценах колбасы скоро не на что будет купить, не то что выпускное платье, а родительский комитет на подарки и стол собирает по полторы тыщи рублей, совсем обалдели!..

Хабаров проводил их глазами и пошёл дальше.

Под водосточной трубой стояла ржавая бочка, наполненная коричневой водой, дверцы в подпол были распахнуты и подпёрты половинками кирпича, а над подполом ещё одно окошко.

Он уловил движение и почувал опасность раньше, чем всё случилось. Всё же он был очень хорошо подготовлен!..

Хабаров прыгнул, покатился — нараставший рокот мотоцикла на мгновение смолк, — и он оказался в чёрной пасти подпола. Раздался короткий свист и несколько сухих щелчков. Опоры под ногами не было, Хабаров висел на руках.

Фью-ить, фью-ить, просвистело отчётливо. Алексей считал секунды — раз, два, три... Долго стрелять, прицеливаться невозможно — улица, белый день, и цель, то есть он, Хабаров, пропала из зоны видимости.

Вновь взревел мотоцикл.

Хабаров подтянулся, раскачался, выбрался из подпола, прикрываясь отсыревшей деревянной дверцей — щит из неё был никуда не годный.

Из бочки в двух местах с журчанием уходила вода — пуля пробила её насквозь.

Стрекотание мотоцикла стремительно отдалялось.

Хабаров отряхнул испачканные колени, вытер ладони о деревянную стену дома, оглянулся — женщины продолжали громко разговаривать, но уже где-то вдалеке, слов было не разобрать.

Всё началось и закончилось за несколько секунд. Хабаров голову мог дать на отсечение, что никто ничего не видел и не слышал.

Вода лилась на дорожку и на стену дома.

Хабаров поднатужился, немного подвинул бочку так, чтобы ему не попадало на джинсы, присел и поковырял пальцем стену.

В воздухе коэффициент сопротивления СХ примерно 0,1, ну, может быть, 0,2. В воде — приблизительно! — в тысячу раз больше. Вязкость и кавитацию можно не учитывать. Потеря скорости огромная. Пуля наверняка застряла так, что её легко можно вытащить.

В нагрудном кармане у него была ручка, любимая, много раз испытанная. Хабаров раскрутил её, вынул металлический стерженёк и с его помощью аккуратно извлёк пулю. Осмотрел со всех сторон. Вспомнилась ему история, как лет двадцать назад, когда его только учили работать, он каждую пулю осматривал вот так, внимательно и серьёзно, а тогдашний его инструктор всё острил, что именных пуль, да ещё с портретами стрелявших на свете не бывает, чего её осматривать, пуля как пуля!..

Двадцать лет прошло, и вот она — пуля как пуля.

...Итак, никаких случайных людей в этом деле нет. Местные хулиганы и безобразники ни при чём. Хорошо хоть это прояснилось.

Плохо, что противник близко. Так близко, что не просто осведомлён о присутствии его, Хабарова, на месте преступления, но имеет возможность откуда-то за ним наблюдать.

Плохо, что могут пострадать гражданские — мальчишка, который всё ждёт Сапковского, девочка с тощим хвостом или одышливая Светлана Ивановна, кто угодно!..

Противника от библиотеки и от гражданских нужно уводить, а это значит, времени у него мало, почти совсем нет.

Хабаров затолкал пулю в карман, пристроил на место ручку и продолжил обход библиотеки.

Женщина сидела напротив очень прямо и вместе с тем свободно. На стуле возле фанерной двери стоял её чемодан — громадный, как гиппопотам, — а сверху лежало пальто.

— Я понял, понял, — говорил главврач в телефонную трубку, поглядывая на женщину. — В следующем квартале, ясно, да. Ничего хорошего, мы в этом ждали!.. Который раз заявку подаём, а вы всё нас завтраками кормите! Конечно, у нас тут не четвёртое управление, но вы поймите, люди ведь не только в Москве живут! И болеют! И всем лечиться надо, и оборудование нужно, а мы как в Средние века, всё на глаз диагнозы ставим!

Женщина смотрела в окно.

Нельзя сказать, что она была красива, но главврач почему-то никак не мог оторвать от неё глаз. Очень худая, смуглая, с резкими чертами восточного лица. И одета странно — главврач ещё раз стрельнул глазами, воровато. Белая рубаша с широкими рукавами, узкие чёрные брюки, остроносые лакированные ботинки и жилетка, расшитая бисером и золотыми и зелёными нитками. На голове на волосах, таких густых, что они казались париком, крохотная плоская бархатная шапочка.

За всё время, что главный врач выяснял отношения с облздравом, она не пошевелилась и не перевела взгляд.

Он положил трубку, потёр вспотевшие ладони и сказал почему-то с просительной — как будто в продолжение разговора — интонацией:

— И что делать? Новый аппарат УЗИ нам ещё в прошлом году был положен, и всё квоты, всё лимиты! А у меня же люди! Я сто раз говорил, и на совещании у губернатора даже, а дело ни с места. Волокита!..

Женщина посмотрела на него. У неё были тёмные глаза, то ли сильно подведённые, то ли так казалось от черноты ресниц.

— Добивайтесь своего, — сказала она. — Настаивайте. Под лежащий камень вода не течёт. Это русская поговорка.

Она говорила правильно, без малейшего акцента, и голос был грудной, низкий, заслушаешься.

— Джахан Азатовна, — начал главврач. — Мне всё понятно, только я не до конца уверен, что могу вам обеспечить условия...

— Называйте меня Джахан, — перебила женщина. — Условий никаких не нужно. Просто проводите меня в морг. Я осмотрю тело. Сделаю заключение.

— Заключение, заключение, — повторил главврач. В кармане халата у него зазвонил мобильный телефон, он вытащил его, посмотрел и досадливо нажал кнопку. Аппарат смолк. — Да ведь есть заключение!.. Я полиции предоставил всё как полагается в... таких случаях. Вы бы у них копию запросили.

Джахан откинула крышку портфеля, который был аккуратно прислонён к ножке её стула, достала бумаги, сколотые диковинной фигурной скрепкой, и через стол протянула главврачу.

— Вот копия. Я её изучила. Дальше запрос из МВД о повторном заключении. Затем копия обращения на нашу кафедру. Затем моё предписание. Читайте.

Главврач вздохнул раз и ещё раз.

Джахан Азатовна Бахтаева, доктор медицинских наук, направлялась в районную больницу номер такой-то города Тамбова для дачи повторного заключения о смерти такого-то. Подписано большой шишкой из МВД и ещё одной из института судебной медицины. Главврач изучил витиеватую шишкину подпись. Сам он подписывался кое-как, накорябал фамилию, и готово дело!..

— А зачем это нужно-то? — маясь, спросил главврач. — Не знаете? Мы... напортачили, что ли? Смерть там... не криминальная, сто процентов! Сердце остановилось.

Джахан наконец-то сообразила, чего он боится. Он боится, что она выдаст какое-нибудь заковыристое заключение, а вовсе «не смерть в результате сердечной недостаточности», и ему попадёт. Видимо, вскрытие делалось наспех человеком, не слишком компетентным, и главврач об этом знает.

Ну, развеять его страхи легко.

Она пожалала прямыми узкими плечами.

— Чистая формальность. Этот ваш директор библиотеки когда-то дружил с нашим заведующим кафедрой. Когда тот узнал о его смерти, попросил меня уточнить причину. Они ровесники. Вы знаете, как мужчины в пятьдесят лет мнительны.

Главврачу до пятидесяти ещё нужно было дожить, но что-то такое он слышал про опасный возраст, что ли.

— Именно в этом возрасте повышается угроза сердечно-сосудистых заболеваний.

Главврач приободрился.

— Моя задача — подтвердить ваше заключение. А не опровергнуть, — произнесла Джах.

Главврач улыбнулся:

— Может, чайку? Или кофе? У нас, правда, растворимый только.

Джахан не хотела ни чаю, ни растворимого кофе. Ей нужно было приступить в работе и закончить её как можно быстрее. Но главврач нервничал, всё потирал потные ладони, всё стрелял в неё глазами, и она сказала — кофе.

Он радостно выбрался из-за стола, набулькал в чайник воды из канистры и полез в шкаф за чашками. От её пальто, оказавшегося у него под носом, пахло странными и тревожными духами.

— Я сделаю заключение, — отхлебнув сладкой коричневой жидкости, — сказала Джахан, — и родственники заберут тело в Москву.

— Да это уж как полиция разрешит, не разрешит, шут их знает.

— Уверена, что разрешит. Смерть не криминальная.

— Вот бы хорошо. Вы не поверите, каждый день проблемы! Ну просто каждый день! Такая работа собачья! Я думал, когда до главврача дослужусь, будут мне почёт и уважение, а всё наоборот! Месяц назад в детском саду восемнадцатом была какая-то вспышка диареи. Ничего особенного, без температуры, но ведь прецедент! И мамы к нам в приёмное повалили, и главный санитарный врач названивает — прикрой меня, а как я его прикрою, если все обращения фиксируются?!

— Проблема, — констатировала Джахан.

— Ну, вот именно! Нужно было в науку идти, а не в практическую медицину! Вы ведь наукой занимаетесь... Джахан?

— По-разному. Не только наукой.

Она поставила почти полную кружку на стол и поднялась. Время уходит, время!..

— Проводите меня. — Она как будто приказала, и главврач поспешно вскочил. — Мне бы хотелось начать сегодня.

Он взялся было за её гиппопотамский чемодан, но она не дала, так и несла его сама, как будто чемодан ничего не весит, а весил он — будь здоров, главврач знал это точно.

В морге, в крохотной выстуженной комнатке слева от холодильника, оставшись одна, она первым делом установила на лабораторном столе чемодан.

Тело, прикрытое чем-то вроде клеёнки, лежало на столе у неё за спиной.

Она щёлкнула замками, открыла чемодан. Он как будто развалился на две части. Из одной части она достала спецкостюм и небольшой защитный щиток для лица — мало ли с чем придётся столкнуться, — какой-то прямоугольный ящичек, коробку с инструментами и бунзеновскую горелку для их стерилизации. Из другой части реактивы, стёкла, несколько плоских чашек для образцов и разнообразные химические препараты.

Облачившись в костюм и не надевая перчаток, она несколькими движениями превратила прямоугольный ящичек в мощную лампу на длинной суставчатой ноге, установила её над телом так, как ей было удобно, натянула перчатки, сбросила на пол клеёнку и сказала в диктофон:

— Я захожу.

И разрешила грубо защитный шов.

Девушка заложила за уши белые волосы — не просто прямые, а даже какие-то плоские, мечту любой современной красавицы, хоть что-то понимающей в моде, — и посмотрела на

администратора гостиницы «Тамбов-Палас» сочувственно, как на слабоумного:

— А вы что? Сами писать не умеете?..

Тут она скосила глаза на его бейдж — золотые буквы на чёрном фоне, как положено в «паласах» — и добавила:

— Никита, вы учились в школе?

Администратор немного дрогнул.

Покуда она, эта беловолосая, оглядывалась по сторонам посреди раззолоченного холла, покуда тыкала в телефон и фотографировала себя на фоне зелёных, под малахит, колонн и букета искусственных цветов, он изо всех сил старался отделаться от шумной компании выезжающих, чтобы новая гостья досталась ему, а не Алине, работавшей рядом. Водитель, который привёз беловолосую с вокзала, — она заказала трансфер заранее, — вкатил её чемоданы, три штуки, один другого больше, и все «Луи Вюиттон» без дураков, и подмигнул Никите — давай, мол, выпроваживай этих, смотри, кого я тебе доставил!

Алина, ходившая в «Тамбов-Паласе» в первых красавицах, при виде новой гостьи дрогнула лицом, повела губами и с жаром продолжила объяснять пожилой супружеской чете, как найти картинную галерею. Таким образом гостья досталась Никите, лучше бы не доставалась!

Паспорт она искала минут десять — то в крохотной дорожной сумочке, то в рюкзаке, то в наружном кармане верхнего чемодана. Наконец нашла и вместо того, чтоб отдать, принялась беседовать по телефону, помахивая паспортом, зажатым в руке, у Никиты перед носом.

— Зачем ты сама ему позвонила? Мы же договаривались, что ты первая ни за что не станешь! Нет, нужно было мне сначала сказать! Ах нет, я в Тамбове. Боже, ну как зачем, я же тебе рассказывала, мне нужно на этюды! Ну конечно, дыра дырой, но что я-то могу поделывать, провинция сейчас в моде! Сельсоветы, крестьянский быт, мебель Нечерноземья! Откуда я знаю, как пойдёт. Ну, недолго, конечно, у меня на будущей неделе с Майлзом встреча, и вообще я же только в Москве могу находиться, ну, ещё в Лондоне, но тоже так себе.

Она говорила, то отвернувшись от него и разглядывая позолоту, картины и люстры, то повернувшись и разглядывая его самого — одинаково безразлично.

Наконец девушка договорила и положила паспорт на стойку, Никита сразу его подхватил и открыл.

— А зачем у вас часы? — спросила она. Он поднял глаза.

Звали её Дарья Александровна Жукова, рождена и зарегистрирована в Москве, мужа и детей не имеет.

— У вас за спиной часы, — продолжала девушка. — Они показывают время в Нью-Йорке, Лондоне и Токио. Зачем они нужны?

— У нас останавливаются бизнесмены, — начал Никита, — и часы установлены специально для их удобства.

Девушка засмеялась:

— Тамбовским бизнесменам время в Токио необходимо как воздух, — согласилась она. — Сфотографируйте меня, пожалуйста! Умеете? Там нужно на кружочек такой нажать, видите? Только чтоб был виден тамбовский шик!

И сунула ему телефон.

Никита, злясь всё сильнее, — где ему фотографировать, он же валенок деревенский, и часы ему ни к чему, он по солнцу встаёт, чтоб корову в стадо выгнать, — сфотографировал

«тамбовский шик» с девушкой посередине.

Потом он попросил её заполнить анкету, а она спросила, умеет ли он сам писать. Алина за соседней конторкой прислушивалась, посматривала и изо всех сил сочувствовала Никите, так, чтобы он видел её сочувствие.

— Нет, если вы не умеете, — продолжала Даша Жукова, — тогда другой разговор, конечно, я и сама могу заполнить. Но тогда зачем вы тут стоите? — Она опять помедлила и добавила: — Никита? Для красоты?

— У нас такой порядок, — насупившись, заявил администратор. — Гости заполняют и подписывают анкеты собственноручно.

— Так давайте же изменим этот глупый порядок! — вскричала девушка, улыбнулась и понизила голос: — Никита.

Пришлось ему анкету самому заполнять, не скандалить же с ней! Что она способна поскандалить, было написано у неё на лбу, гладком, без единой морщинки, прямо под белоснежными волосами.

У неё был заказан не просто люкс, а президентский, таких номеров в «Тамбов-Паласе» было всего два, и они никогда не сдавались, Никита с ужасом думал, что будет, когда она обнаружит, что в джакузи вода не циркулирует, в спальне горит только одна лампочка, а сейф не запирается. Он даже на часы посмотрел, чтоб понять, когда заканчивается его смена, но так и не понял, потому что девушка не отводила от него весёлых глаз.

В номер она подниматься не стала, велела отправить багаж с коридорным, сказала, что хочет ужинать и пойдёт в ресторан.

— Заказать вам столик? — Никита предупредительно снял телефонную трубку.

Девушка принялась набирать сообщение и на него даже не взглянула:

— Ну, если там аншлаг, в ресторане... то закажите!.. Там аншлаг?

— У нас много гостей, — пробормотал Никита. — А в ресторане живая музыка...

— Столица переезжает в Нью-Васюки? Спорим, вы не знаете, откуда цитата!

Никита действительно не знал и сильно покраснел. Вообще ему хотелось, чтобы она от него отстала. Он чувствовал себя униженным.

Коридорный вернулся из президентского люкса и за её спиной закатывал глаза и строил рожи.

— Я хочу пить, — объявила Даша Жукова, — скажите этому вашему ресторану, чтоб мне принесли газированной воды. Очень холодной.

— У нас даже немецкие туристы живут, — неизвестно зачем сказал Никита. — Они по России на байках путешествуют. От нас поедут на юг.

— Ммм?.. — протянула Даша, не отрываясь от телефона. — Воды не забудьте попросить.

Она прошла к лобби-бару, по-особенному, будто танцуя, ставя длинные ноги в очень узких чёрных джинсах, повалилась в кресло, а необыкновенные ноги пристроила на полированный ореховый столик.

— И соревнования самбистов... — ей вслед пробормотал Никита. — Со всего СНГ болельщики приехали...

— Да что ты ей объясняешь! — не поднимая глаз, прошипела рядом Алина. — Она вон на тебя даже не смотрит!

Даше принесли воды, и она её вернула — слишком большая бутылка и тёплая, а ей нужна маленькая и холодная. Принесли следующую, и она опять вернула — вода должна

быть итальянская.

— Дура, — неслышно буркнул Никита, и Алина рядом улыбнулась.

Явились давешние пожилые супруги — галерею они не нашли, потом потянулись командированные: такси до боулинг-клуба, такси до стриптиз-клуба, билеты на завтрашний утренний поезд, а потом пожаловал сам Паша-Суета с телохранителем. Должно быть, на свидание с Вероникой. Странно, что её до сих пор не видно.

Как только Паша разместился за столиком — спиной к стене, лицом ко входу, всё как всегда, — и телохранитель приткнулся неподалёку, сразу же прибежали официанты, извещённые Алиной, принесли вискарика, закуски и чай в стакане с подстаканником. Паша-Суета уважал чай только из стаканов.

Даша Жукова на явление Паши не обратила никакого внимания. Она строчила сообщения, время от времени фотографировала себя, перебрасывая волосы на одну сторону, маленькими глотками отпивала воду — в конце концов, ей принесли подходящую.

Паша-Суета рассматривал её из своего угла.

— Что-то будет, — прошелестела рядом Алина. — А ты сегодня его подругу видел? Веронику? Она в наш спа-центр не приезжала?

— Я не видел, — тихо ответил Никита.

В отель ввалились разухабистые дядьки-болельщики, приехавшие на самбо, все по очереди оглядели Дашу с головы до скрещённых на столе щиколоток, загомонили, заржали и двинули в ресторан, оглядываясь и скалясь, как волки.

Никита подумал — лучше бы столичная штучка заказала ужин в свой президентский люкс. Нет, у них вполне респектабельное место, драки случаются всего пару раз в году, но всё же такой девушке вечером в ресторане в компании болельщиков и Паши-Суеты делать нечего...

Даша допила, громко, на весь холл, приказала, чтобы счёт за воду записали на номер, и поплыла к ресторану, по-особенному ставя длинные ноги в очень узких чёрных джинсах.

Паша-Суета махом опрокинул виски, что-то пробурчал телохранителю и отправился следом.

Над меню Даша думала недолго. За это время она оценила обстановку, пересчитала гостей, прикинула, кто где сидит, наметила пути к отступлению, если придётся отступить.

Отступать ей не придётся, но их так учили. Пути должны быть намечены заранее.

По её расчетам, выходило, что первым подойдёт разухабистый молодчик в ботинках на рифлёной подошве, обвислых джинсах и толстовке с пятном от кетчупа на животе.

Ему на помощь — не поднимая головы от меню, она всё оценила ещё раз — придёт вон тот, в коричневом пиджаке. А уже потом вмешается местный авторитет, который в лобби запивал восемнадцатилетний «Макаллан» чаем из железнодорожного стакана и рассматривал её шмыгающими, суетливыми глазками.

— Выбрали, что будете кушать? — прошелестела над ней девочка-официантка. Улыбка у неё была перепуганная.

Даша отложила меню, вздохнула и громко, на весь ресторан, который ловил каждое её слово и движение, сказала:

— Что-нибудь из местных сезонных специалитетов. Посоветуйте мне! Может, тартар из мраморной тамбовской говядины? А на горячее копчёного угря! У вас в речке водятся угри?.. Ну, и семифредо из редьки. Я не знаю, сейчас сезон редьки?

Девушка как будто отступила немного.

— Ничего этого нет, — ответила она и улыбнулась заискивающе. — Выберите что-нибудь из меню, пожалуйста...

— Ну нет, и что? — сказала Даша капризно. — А повар есть? Пусть приготовит!

— Повар... он готовит только из меню...

— Ах, из меню! Господи, куда я попала?! — И она быстро перечислила, сильно понизив голос: — Сто граммов водки, самой дорогой, томатный сок, лёд, салат столичный, грибной суп и окорок тамбовский запечённый.

Официантка, торопясь, записывала и кивала.

Водка и сок явились сразу же, а следом и салат столичный. По Дашиным расчётам, до супа всё будет мирно. Мирно, но беспокойно.

Она выпила стопку водки, запила томатным соком — вкусный, не иначе местный специалитет — и принялась ковыряться в салате.

Есть ей хотелось с самого утра.

За стол к авторитету прошествовала фигуристая силиконовая блондинка на таких каблуках, что смотреть было страшно. От высоты блондинку слегка покачивало. А может, силикон перевешивал.

«Живая музыка» на крохотной эстраде с непременным зеркальным шаром старалась изо всех сил. Дородный мужчина в кожаном пиджаке и расстёгнутой на груди рубаше выводил про старого шарманщика, женщина, перетянутая блестящим платьем, как докторская колбаса натуральной обвязкой, ему подпевала.

Даша ела.

Грибной суп, горячий, наваристый, был съеден до половины, когда мужчина на эстраде грянул «Я пригласить хочу на танец вас, и только вас, и не случайно этот танец вальс».

Как ни странно, первым подошёл не тот, с пятном на пузе, а его сосед, рыхлый, бледный, на толстом пальце печатка.

— Потанцуем, кисуль? — нежно спросил он, наклоняясь на Дашей и её супом.

— Не-а, — безмятежно сказала она. — Танцуй один, зая!..

Кавалер ничего не понял.

— Да ладно тебе выделываться, кисуль! Потанцуй, жалко, что ли? Ты отдыхаешь, и мы с ребятами отдыхаем! Давай, не ломайся!..

Даша положила ложку, откинулась на спинку стула и посмотрела на него очень близко.

...Спровоцировать или отпустить с миром? У него небось жена, дети. Работа какая-никакая. Он с ребятами отдыхает!.. Да и потом она уже настроилась на того, с пятном.

— Я не хочу танцевать, — сказала Даша мирно. — И не буду. Я есть хочу, а не танцевать. Улавливаешь суть?

Кавалер моргнул.

— Всё, давай, давай, иди к ребятам. Выпейте лучше за моё здоровье и за мир во всём мире.

Он помедлил, и что-то его остановило. Непонятно что. Секунду назад он был полон решимости и сладких предвкушений, а тут вдруг как будто отрезвел.

Он кивнул, вернулся на место, и за его столом произошло бурное короткое совещание. Авторитет, отстраняя рукой блондинку, которая наседала на него силиконовым бюстом, беспокойными глазами всё щупал и щупал Дашу.

Певец завёл про «Эти глаза напротив», и на этот раз подошел тот самый, с пятном, намеченный ею с самого начала. Он был покрепче, поуверенней, от него просто так не

отвяжешься.

— Чего бузишь? Круче всех, что ли? Ты поласковой, девуля. Давай потанцуем, выпьем, поговорим, как люди! — И потной ладонью крепко взял Дашу за руку.

— Отвали, — велела она.

— Тихо, тихо. — Он сжал тонкие куриные косточки её запястья. — Придержи язык. Ты клиента на ночь подыскиваешь? Вставай, пошли, я твой первый клиент!

— Отвали, — повторила Даша.

Он моментально, как по команде, взбеленился.

— Вставай, сука, — прошипел он и потянул её сильно. — Пошли! Чё ты целку из себя строишь! В столице будешь строить, а тут не надо, тут все свои!.. Нормально тебе говорю — вставай, двигай в номер, я плачу!

Даша вздохнула. Левой рукой она нащупала ложку, которой только что ела суп, и ткнула ему в глаз — несильно. Он моментально ослеп, зашатался и заревел, закрывая лицо.

— Сука!.. ... дь!

За его столом повскакивали, и тот, в коричневом пиджаке, ринулся на помощь. Телохранитель авторитета привстал и зашарил под мышкой. Даше стало смешно.

Подбежавший пиджак схватил Дашу за волосы, дёрнул. Она ударила — коротко и опять несильно, членовредительство в её планы не входило. Ударила она в самое больное место.

Пиджак схватил себя за это самое место, выпучил глаза, завыл и повалился на бок. Из рта у него потекла слюна.

Первый, залитый слезами, полез было с кулаками, и это стало его ошибкой. Он ничего не видел, просто махал руками от боли и унижения. Даша взяла его двумя пальцами за основание шеи. Он всхрапнул, перестал дышать и столбом обрушился на пиджак, который подтягивал к подбородку ноги и выл.

Музыка остановилась, и сделалась тишина.

В дверях кухни толпились официанты и повара. Перетянутая, как докторская колбаса, певица закрывала обеими руками накрашенный рот. У входа застыли два парня в негнущихся костюмах, по всей видимости, охранники и давешний администратор, которого она довела до белого каления. Все посетители перестали есть и замерли в причудливых позах.

Картина.

Даша уселась на место.

— Ты это самое, — негромко сказал телохранителю местный авторитет, — вишь, это самое... намусорено? Давай убери.

Телохранитель подскочил и стал тянуть с пола лежащих. Гостиничные охранники тоже подошли и стали их поднимать.

— Дайте мне чистую ложку, — громко, на весь ресторан, сказала Даша капризным тоном. — Что такое!.. Ни семифредо, ни редьки, ни ложек!..

— А вы кем же ему приходитеесь, покойному-то? У него сроду не было никого, одинокий он! А как помер, так, стало быть, родственники объявились не запылились!

Тётка была въедливая, ехидная, держалась немного свысока, и Макс Шейнерман её понимал. Приехал какой-то ферт в костюме, зашёл на участок Петра Сергеевича, как к себе домой, и уже в дверь лезет!..

— Да вы не волнуйтесь. — Он сбежал с крыльца, на ходу доставая из небольшого кожаного рюкзака приготовленные бумаги. — Я племянник, сын его сестры, Анны

Сергеевны.

— Какая-то ещё сестра... — пробормотала соседка недовольно, приняла бумаги и стала рассматривать. — Сроду у него никакой сестры не было!..

— Мама давно умерла, — проинформировал Макс.

Соседка перевела на него взгляд, и лицо у неё потеплело.

— Так теперь, раз дядя тоже помер, ты сиротой остался?..

Макс ничего не сказал.

Удивительная особенность русского человека — жалеть сирот и пьяниц.

Она опять поглядела в бумаги, моментально соскучилась, вникать ей не хотелось. Раз говорит — племянник, значит, племянник.

— Когда дядю хоронить-то собираешься? Который день пошёл, а покойник всё мается, всё не в земле.

— Как только полиция разрешит.

Соседка махнула рукой:

— Полиция! Чего там они ищут, всё равно не найдут никого! У нас в восемьдесят пятом на Дзержинского мужика зарезали, так до сей поры не посадили никого, а тогда при советской власти ещё порядок был!.. Ну чего? Ключи-то есть у тебя, племянник?

Макс показал связку.

— Проводить, или сам разберёшься?

Он сказал, что, разумеется, лучше проводить, и вновь поднялся на крыльцо. Соседка шла за ним.

— А ты чего, за границей, что ль, обретаешься? Уж больно не по-нашему одет-обут!

И она бесцеремонно придержала его рукой и оглядела с головы до ног. Племянник Петра Сергеевича был в костюме в талию, рубашка в тонкую полоску — синюю и красную. Сверху чепуховое пальто с капюшоном, зато подкладка шёлковая, богатая. На ногах почему-то кеды, а на плече рюкзак. Иностранец, как есть!..

— У меня работа такая, — непонятно ответил племянник.

— Как хоть звать-то тебя?

В бумагах, которые он ей совал, его имя повторялось раз двадцать, но она и до имени не дочитала!..

— Максим.

— Ну вот, Максюша, стало быть, тут дядя и жил. Один весь дом занимал, никто к нему не захаживал, да он и не звал особенно. Всё работу работал, над книжками сидел. Ещё в саду возился, яблони прививал. У него мечта была — антоновку возродить, чтоб как раньше, нынешняя-то вся выродилась. Он по этому вопросу полный профессор был.

Дом стоял в глубине сада так, что с дороги и с соседских участков его почти не было видно. Это логично и правильно — по всей видимости, дом когда-то подбирался именно с таким расчётом, чтобы не слишком много было посторонних глаз.

— Ночевать-то останешься?

— Нет, я в гостиницу.

— Ты гляди, — удивилась соседка, — остался бы у дяди-то, помянули бы его по-людски. А он в гостиницу!

Она зажгла свет в коридоре, один о другой стянула резиновые сапоги и пошла по чистым домотканым дорожкам.

Макс дёрнулся было остановить её — просто так расхаживать по дому Петра

Сергеевича, да ещё в отсутствие хозяина, было попросту опасно, — и не стал. Чему быть, того не миновать.

— Тут кухня, там зала. Эту комнату Сергеич под свою лабораторию приспособил, — она выговорила очень чётко «лаборатория». — Спал тоже тут, на диване. Гляди, черенки всякие, справочники, какие-то всё пробы он брал, кислая почва, не кислая! Мы, бывало, посмеивались над ним.

Рукой в перчатке Макс взял верхнюю книгу из стопки на краю стола. Книга называлась «Особенности почвоведения чернозёмной зоны СССР».

Компьютера не было.

— Ну чего, оставайся, смотри, чего тебе тут надо, а я пойду. Дом продавать будешь?

Макс сказал, что скорее всего продаст.

— Ты гляди, хорошим людям продавай, не абы кому! Тут у нас вокруг все соседи работающие, трезвые. А продашь горлопанам каким-нибудь, тунеядцам, пропала наша улица!.. Слышишь, племянник?!

Макс сказал, что продаст непременно хорошим.

— Ну, если чего, к забору подойдёшь да крикнешь тётю Зою, это я, стало быть. С крыльца не зови, не дозовёшься.

Оставшись один, он первым делом погасил везде свет и осмотрелся. Дом как дом, ничего особенного. Вокруг таких десятки, это называется «частный сектор».

Макс знал, что в доме Пётр Сергеевич ничего не хранил, но это не означает, что здесь нет секреток и ловушек.

Он вытащил фонарь, оставил рюкзак у двери и прислушался. Заходить — вот так, с ходу, без подготовки, — он не решился.

За окнами вечерело, и в доме царил синий сумрак, какой бывает в деревенских домах только весной. Прислушиваясь, Макс стянул с плеч дафлкот, свернул его, аккуратно пристроил сверху на рюкзак и огляделся.

Коридорчик был пуст, только вешалка с пальто, дождевиком и кепкой на крючке. Справа подальше дверь, соседка сказала, что там кухня. Ещё две двери слева, за одной из них «лаборатория». В торце «зала».

Не двигаясь с места, Макс огляделся ещё раз. Под вешалкой стояли болотные сапоги, грубые ботинки на толстой подошве, а в углу почему-то... гимнастическая гиря.

Должно быть, Пётр Сергеевич упражнялся с гирей прямо тут, при входе.

Макс зажёг фонарь, взял его в зубы, присел и осмотрел гирю. Она была переделана из старинного пушечного ядра. Сверху приделана ручка на шурупах и выпилен желоб, чтоб ручку можно было убрать.

...Пётр Сергеевич, да вы шутник!..

Не выпуская фонаря, Макс надавил на ручку. Она хрустнула и легла в желоб, получился чугунный шар. Макс взял его обеими руками — он был холодный и тяжёлый, — и с усилием катнул по коридору, прямо по домотканой дорожке.

Шар неторопливо покатился.

Примерно в середине коридора что-то щёлкнуло, треснуло, крашенные доски пола провалились, и шар ухнул в тёмное подполье, потянув за собой дорожку.

Выждав время, Макс подошёл, присел и заглянул.

Ничего особенного. Просто открылись дверцы подпола, и все дела.

Откинув дорожку, Макс посветил вниз. Подпол был не слишком глубокий, в человеческий

рост, может быть, чуть поглубже. Он попробовал потянуть на себя дверцу, она не поддавалась, видимо, пружина жёстко фиксировала её, когда подпол открывался вот так, неожиданно. Никакой лестницы не было.

Ловушка оказалась прямо посреди коридора, они с соседкой не дошли до неё, должно быть, пары шагов.

Макс спрыгнул вниз, осмотрел нехитрую систему приводов и пружин, открывающую подпол. Её приводила в рабочее состояние рейка, которую можно было потянуть снаружи. Если рейка утоплена, при небольшом давлении сверху дверцы открываются. Если вытянута, можно ходить.

Встав на чугунное ядро, Макс выбрался из подпола, нащупал рейку и потянул. Зафиксированные дверцы сразу ослабли. Он с усилием захлопнул их и вытащил рейку. Поправил дорожку.

...В конце концов соседка непременно наведается ещё раз, не дождавшись, когда племянник станет поминать покойного дядю. Так она по крайней мере ноги не переломает.

С порога «лаблатории» Макс долго и внимательно осматривал стены, потолок и пол.

Крашенный пол без всяких подвохов. В потолке ни люков, ни лазов. Со стенами хуже — они были заклеены старыми выцветшими обоями, а что под ними — непонятно.

Осторожно и медленно ступая, Макс подошёл к столу. Один раз они уже подходили, и ничего не произошло, но нужно быть внимательным всегда. Его так учили.

На столе, огромном, старинном, должно быть очень неудобном, лежали книги, бумаги, стояли колбочки, до половины насыпанные землёй. Справа на выцветшей жёлтой афише лежали ровно срезанные короткие веточки — видимо, той самой антоновки, которую садовод и библиотечкарь Пётр Сергеевич намеревался возродить и вернуть народу. Там же, справа, валялись какие-то кроссворды — стопкой, — ручки, карандаши, среди них затесалась отвёртка.

Лампа с левой стороны, тоже старая, с проржавевшим ободом и молочным треснутым абажуром, стояла криво — каменная её подставка одним углом наехала на какую-то книжку, и лампа перекосилась.

Макс подумал, наклонился и посветил под абажур. Изнутри к спицам за четыре угла был подвешен на нитках тонкий носовой платок, в который было что-то насыпано. Если лампу вернуть в вертикальное положение, нитка оборвётся, содержимое платка непременно разлетится во все стороны. Макс сунулся ещё поближе и осторожно перчаткой тронул платок. Тот сразу закачался, над ним взвилось облако порошка. Порошок был синий и очень мелкий, мельче пыли.

Перчатку, подставку и стол вокруг лампы запорошило тонкой синей гадостью, стряхнуть которую не было никакой возможности.

Макс потёр друг о друга перчаточные пальцы.

...Н-да.

Он бесшумно вернулся в коридор, достал из рюкзака шарик, чуть поменьше пинг-понговского. Возле лампы он встряхнул шарик — тот превратился в безразмерный пакет, — подвёл его под нитки, дёрнул и мгновенно затянул завязки. Пакет изнутри весь окрасился синим.

Макс положил пакет к стене и продолжил осмотр.

Часа через два он пересмотрел все книги, прочёл все записи, изучил все кроссворды. Можно перемещаться дальше.

За окнами давно стемнело, и работать стало неудобно, но Макс должен был закончить.

Следующей на очереди была кухня. Не торопясь, Макс обвёл фонарём стены, потолок, пол, чёрный провал окна.

Кухонька оказалась тесной, крошечной, зато здесь имелись целых две плиты — дровяная с чугунными конфорками, и обычная газовая. На дровяной стояли две сковороды, а на газовой — чайник со свистком.

...Ретроград и консерватор был этот самый Пётр Сергеевич!.. Ни компьютера, ни телевизора, ни даже электрического чайника.

Макс принялся методично осматривать кухню и тут чуть было не дал маху.

На холодильнике стоял павлин, дымковская игрушка. С того места, где находился Макс, было не видно, что стоит павлин как-то боком и держится на холодильнике едва-едва. Он слегка задел холодильник, павлин покачнулся и начал падать, но Макс Шейнерман всё же оказался проворнее павлина и подхватил его над самым полом.

Павлин — тяжёлый, словно отлитый из свинца, — шлёпнулся ему в руки, Макс потерял равновесие, упал, перекатился, стараясь не уронить и не перевернуть игрушку.

Сидя на полу с павлином в руках, Макс искал глазами фонарь. Тот завалился под плиту.

Макс аккуратно, не выпуская павлина, достал фонарь и осветил.

Дырка в глиняном днище была плотно закупорена. Открывать её Макс не стал. Он внимательно изучил глину вокруг крышки, колупнул, понюхал и аккуратно поставил павлина на подоконник.

Труба дровяной печи входила в дымоход как-то криво, и Макс, забравшись на плиту, осторожно снял её. В дымоходе оказалась жестяная коробка из-под чая, а в ней какие-то деньги, перетянутые резинкой.

Макс не выдержал и засмеялся.

Коробку он поместил рядом с павлином.

Он обшарил кухню сантиметр за сантиметром. Вся посуда была перемыта и убрана в буфет. Там же, в нижнем отделении, стояли трёхлитровые банки с сахарным песком, гречкой, пшеном и консервы — тушёнка, бычки в томате, перловка с салом.

Макс передёрнул плечами. Хотелось есть, но при виде перловки с салом — расхотелось.

Вытащив банки, он внимательно изучил газету, которая была постелена на дно буфета. Так же скрупулёзно он осмотрел обе плиты и холодильник.

На холодильнике сверху тоже лежали какие-то газеты, жёлтые от времени и кухонных паров, и ещё один сборник кроссвордов и головоломок.

Макс перелистал его, задержался на одной из страниц, вновь перелистал и сунул в карман пиджака.

Больше в доме покойного Петра Сергеевича ему было делать нечего.

Перед президентским люксом Хабаров помедлил немного, не потому что хотел оглядеться по сторонам, а со страху. Никого не было в коридоре, и он это знал. В холле возле лифта встретились ему два чувака при спортивных сумках — один с подбитым глазом. В левом крыле возилась горничная со своей тележкой, до люкса она доберётся ещё нескоро, а больше никого.

Хабаров постучал.

Дверь ему открыла Джахан. Он не видел её, казалось, целую вечность.

— Привет, — сказала она. — Ты будешь чай?

— Здравствуй, — ответил Хабаров. — Здравствуй, Джахан!

Должно быть, голос у него был странный, потому что она сразу ушла, даже не взглянув ему в лицо.

Хабаров с силой выдохнул, зашёл в номер, прикрыл за собой дверь и постоял немного.

Здесь, как и во всём отеле «Тамбов-Палас», было богато, позолочено и мраморно. Канделябры с висюльками, ковры с диковинными розами и райскими птицами. И такие же райские птицы на обоях и шторах.

Впрочем, райские птицы Хабарова решительно не интересовали, он их и не заметил. Он готовился к встрече, уговаривал себя не волноваться и всё-таки волновался.

Он пошёл на звук — в глубине люкса надрывался телевизор. Не иначе Дашка смотрит какую-нибудь утреннюю ерунду про моду или путешествия.

Они все были там, все вместе в одной комнате.

Хабаров остановился на пороге и зажмурился на секунду. Как будто не было всех этих долгих месяцев, сложившихся в два неполных года.

— Только без восклицаний, пожалуйста, — попросила Джахан, которая всё понимала и всё замечала — всегда.

— Ну что ты, — пробормотал Хабаров. — Минутная слабость.

На стойке зелёной пластмассы, имитирующей малахит, она заваривала чай в крохотном расписном чайничке. От чайничка поднимался пар.

Даша лежала в кресле поперёк — длинные белые волосы свешивались с одной стороны, а длинные джинсовые ноги болтались с другой.

— Леха! — закричала она и стала выбираться из кресла. — Это ты?!

Макс Шейнерман оглянулся от окна, и они встретились с Хабаровым глазами.

Даша кинулась ему на шею, повисла, заболтала ногами. Он немного покружил её и отпустил. Потом пожал Максу руку.

— Чаю? — спросила Джахан.

Хабаров знал — момент встречи нельзя затягивать! Нельзя ничего — ни вспоминать, ни восклицать, ни плакать. Нельзя считать потери. Нельзя хвастаться приобретениями.

Он всё это понимал, но сердце у него дрожало, и холодно было в спине, и он не знал, куда девать глаза.

— Садись сюда! — Даша потянула его к креслу. — Ты садись, а мы будем на тебя любоваться!

— Любоваться, — подал голос Макс, — лучше на тебя, дорогая. Ты не изменился, Алексей Ильич. Ну... почти.

— Тебе, конечно, кофе, Макс? — почти перебила Джахан.

— Конечно.

— Я в прошлом году был на твоей первой выставке, — сообщил Хабаров Даше. Она захохотала. — Даша Жу, московская знаменитость!

— Ещё какая, — согласилась Даша, подбежала к Максиму, взяла его под руку и сделала особенное лицо.

— Художник, — начала она голосом, тоже особенным, — видится в первую очередь манипулятором — произведений и идей. Он может оказаться тактиком, который за счёт просчитывания рыночной и медийной конъюнктуры осуществляет поддержание своей личной власти, собственного символического и реального капитала.

— Даша Жу — твоя идея? — наслаждаясь, спросил Хабаров у Макса.

— Отчасти.

— Ну, разумеется, он всё придумал. Мне бы и в голову не пришло! Главное, какой успех, Лёша! Какой успех!.. От смеха сдохнуть можно!..

Джахан принесла поднос с пиалами и чайником. Хабаров старался на неё не смотреть.

Она разлила чай, высоко поднимая и вновь опуская над пиалами носик чайника, и ни одна капля не пролилась, ничего не брызнуло на стол! Отдельно она подала Максиму чашку кофе, забралась в кресло и поджала под себя ноги.

Всё. Момент встречи, он же вечер воспоминаний, окончен. Магазин «Ностальгия» закрыт на висячий замок.

Алексей Хабаров взял пиалу, глотнул чаю и зажмурился — так он был горяч и памятен ему.

Они ждали, и он знал, что должен заговорить первым.

Он глотнул ещё раз.

В телевизоре ведущий наставлял какую-то нечёсаную и неумытую тётку:

— Вы, милочка, своими нарядами доведёте до беды не только детей и мужа, но и меня. Вы просто-напросто вульгарны! Это же совершенно противоречит элементарным требованиям вкуса!..

— Итить твою налево, — пробормотал Хабаров. — Где пульт?

Даша подала ему пульт от телевизора, и он убавил звук.

— Пётр Сергеевич Цветаев, — начал он, — сотрудник особого отдела главного разведуправления четыре дня назад был убит. Джо, как он был убит?

— Отравлен, — отозвалась Джахан. — Разреши, я возьму свои записи?

— Конечно, — кивнул Хабаров.

Джахан перелистала замызганный кожаный ежедневник.

— Здесь расшифровка записи с диктофона, — объяснила она. — Саму запись сохранять я посчитала нецелесообразным.

— Ежедневник взломать трудно, — пропищала Даша, кривляясь. — Можно даже сказать, невозможно!.. Не то что компьютер!

— Отравлен он был накануне. По моим оценкам, за сутки до смерти. Я взяла пробы на разные яды. Сегодня смогу сказать точнее.

— Отложенное действие? — уточнил Хабаров.

— Такие яды редкость. Купить в аптеке или синтезировать в домашних условиях их невозможно.

Джахан говорила, как всегда — короткими и очень правильными предложениями, Хабаров наслаждался. Он и вопросы задавал только для того, чтобы она говорила.

— На теле нет повреждений. Нет следов борьбы. Предполагаю, что в определённый момент он просто упал и умер. Все внешние признаки указывают на сердечный приступ. Что и было зафиксировано местными эскулапами.

— Где ты нашла след от инъекции?

Тут она улыбнулась. Скуластое смуглое лицо стало совсем молодым и прекрасным. Этим самым следом от инъекции она прямо-таки гордилась. Никто не нашёл бы, голову можно дать на отсечение, а она нашла!..

— В стопе, — сказала она, и Хабаров посмотрел на неё с изумлением, Макс тоже. — Укол был сделан в стопу. Ему что-то подложили в ботинок.

— Кошма-ар, — протянула Даша.

— Я осмотрю его одежду и обувь. Но уверена, что ничего не найду. Скорее всего ботинки на трупе поменяли.

Хабаров немного подумал.

— Макс?

Тот покачал головой:

— Я после Даши.

— А я что? — Она вскинула длинные руки и сладко потянулась. — Я всё сделала! Вчера страшно здесь нашумела, гости Тамбова моё появление запомнят надолго.

— Тип с подбитым глазом...

— Моих рук дело, — закончила Даша с удовольствием. — На местного авторитета и хозяина города Павла Лемешева я произвела неизгладимое впечатление. Сегодня продолжу производить.

— Только аккуратно, — предупредил Хабаров. — На него покушение готовится со дня на день.

Даша удивилась.

— Кому он нужен? Или в Тамбове в разгаре криминальные войны?

— Особенно никто не воюет, но он гостей с Кавказа поприветствовал, а у тех полное взаимопонимание с ростовскими. Они давно мечтают Пашу отсюда подвинуть.

— А вмешаться? — безмятежно спросила Даша. — Можно? Он тогда мне должен будет по гроб жизни.

— Смотри сама.

— Лёшенька, спасибо тебе, ты самый-самый лучший пуся-начальник!..

— Даш, у нас на всё про всё дня два, от силы три. Ты особенно не увлекайся местным колоритом. Единственное, что нам нужно, узнать, кто у него на земле недавно появился и тут шурует. Не может быть, чтоб никто из его шестёрок ничего не видел и не слышал. Убийство Цветаева готовилось давно и тщательно, к нему кто-то ходил, вон даже в ботинки ампулу умудрились затолкать!

— Я всё, всё понимаю! Я всё, всё узнаю! Не беспокойся, пусечка-дусечка!..

Джахан подлила Хабарову чаю. Он проводил взглядом её руки. Она по-прежнему на него не смотрела.

— В городе много гостей — слёт самбистов или большие соревнования, — продолжала Даша. — Но они заехали только что, два дня назад. Ещё какие-то немецкие туристы куда-то едут на байках, так мне сказал зайчик. Сама я их не видела.

— Какой зайчик? — не понял Хабаров.

...Прошло почти два года, и он... отвык. Не забыл, забыть нельзя, а именно отвык — от них, от их манеры выражаться, от странностей и шуток. Он привыкнет очень быстро, а потом мучительно и долго станет отвыкать.

— Ну, администратор, маленький милый зайчик! Я из него всю душу вынула вчера. Он сказал про немцев на байках.

— Информацию нужно... — завёл было Хабаров.

Даша перебила:

— Проверить! Конечно, я всё проверю, на всех погляжу, всё доложу!

— В доме Цветаева, — начал Макс, — полно ловушек. Я открыл три. Они детские, конечно, но без подготовки сразу обнаружить их сложно. Джо, там есть ещё кофе?

Джахан моментально поднялась.

— Сиди, я сам налью.

— Нет, нужно варить. Остывший кофе не пьют. Его выливают.

И они улыбнулись друг другу нежно, почти любовно — она никогда так не улыбалась Хабарову.

— Ты знал его?

Хабаров, отвлекшийся на Джахан, не понял, о ком речь.

— Ты лично знал этого Петра Сергеевича?

— А... нет, не знал.

— Он большой шутник, — продолжал Макс. — Во-первых, все ловушки начинаются на букву «п» — подпол, порошок, павлин.

— У него дома павлин?! — весело удивилась Даша.

— По коридору просто так не пройти, провалишься в подпол. В кабинете в лампу насыпан порошок, каким метят деньги для взяточников — просто мелкодисперсный краситель. Я перчатки испортил. На холодильнике дымковский кувшин — как раз этот самый павлин, — он падает при малейшем качании. В нём, по всей видимости, краска, я не стал проверять.

Хабаров внимательно слушал.

— Насколько я понял, все эти ловушки предназначены исключительно для того, чтобы проникновение в дом не осталось незамеченным. Любой, угодивший в ловушку, непременно бы наследил.

— Он был готов к неожиданным гостям, — сказала Даша. — Что тут такого? Мы все... готовы. Правда же?

— В дымоходе спрятаны деньги. Очень топорно. — Макс улыбнулся. — Ну, это специально для каких-нибудь залётных воришек.

— Ты забрал? — осведомилась Даша нетерпеливо.

— Дом полон книг, бумаг, газет. Никакой электроники нет, даже телевизора.

— Нет, я не поняла, почему ты деньги не взял?! Ты же их нашёл! Значит, они наши!

— Я пересмотрел всё. Он любил примитивные кроссворды и головоломки. В кабинете их целая стопка, все разгаданные.

— Макс, не тяни, — попросил Хабаров.

— Один из сборников головоломок был обнаружен не в кабинете, а на холодильнике. Сверху на нём стоял павлин. — Макс достал из рюкзака растрёпанную книженцию дрянной жёлтой бумаги с круглым отпечатком, по всей видимости от павлина, и перелистал. — Здесь тоже кроссворды и головоломки, но разгаданы они не все. Я убеждён, что именно здесь Цветаев оставил нам сообщение.

Группа смотрела на него, все молчали. Макс Шейнерман любил эффектные выступления, Даша от него научилась.

— Я сделал такой вывод, когда обнаружил вот это.

Он кинул брошюрку на стол, перевернул хлипкую страницу.

— Это кроссворд, он весь разгадан. Здесь читаем: «Добытчик и прибыльщик», уроженец Сольвычегодска, покоритель Даурских земель». И ответ по вертикали: Хабаров.

— Ерофей Павлович, — несколько не удивился Хабаров Алексей Ильич. — Пётр Сергеевич знал, что в случае нештатной ситуации к делу подключат нашу группу. Уговор был именно такой.

— Следовательно, в этой книге есть нечто адресованное нам. Расшифровкой планирую заняться сегодня.

— Возможно, это займёт время, — подала голос Джахан. — Наверняка шифр нетривиальный.

— Или очень простой, — возразил Макс. — Этот ваш Пётр Сергеевич был оригинал.

— Наш, — поправил Хабаров, Макс промолчал. Джахан подала ему кофе и вновь с ногами забралась в кресло.

— Поверхностный осмотр библиотеки ничего не дал, — сказал Хабаров. — Я там ещё покопаюсь. Но по всей видимости, меня вели, и достаточно профессионально, я ничего не заметил. Вряд ли из Москвы, скорее всего, приняли уже здесь, в Тамбове.

— С чего ты взял?...

Хабаров достал из кармана пулю и аккуратно положил на стол рядом с расписной пиалой.

— Выстрелов было два. Стрелял человек на мотоцикле.

Даша двумя пальцами взяла пулю, изучила со всех сторон и передала Макс.

— Пуля как пуля, — сказала она, и Хабаров усмехнулся.

— Получается, они всё ещё здесь. — Макс вернул пулю на стол. — Что это может значить? Не нашли то, что искали? Продолжают искать?

— В библиотеке полно гражданских, — подала голос Джахан.

— Я знаю.

— Наш противник может туда вернуться. Особенно если ты продолжишь там работать.

— Что ты предлагаешь?

Они все помолчали, обдумывая информацию.

— Характеристика пули, — проговорила Даша задумчиво. — И ещё мотоцикл. Немцы на байках путешествуют на юг России, живут в этой гостинице. Я поняла и ускорюсь, Лёш.

— Вот именно.

Хабаров допил чай и посидел немного, проверяя себя. Кажется, всё?.. Больше говорить не о чем?..

Как ему хотелось... ещё побыть с ними!.. Посмотреть на Джахан. Послушать Дашкины рассказы. Сыграть с Максом в шахматы — когда-то они играли в шахматы!

Он поднялся и забрал со стола пулю.

— Штатно встречаемся вечером, — сказал сухо. — На экстренный случай связь как обычно.

Вышел и неслышно прикрыл за собой дверь. Оставшиеся помолчали.

— Я не поняла, он изменился? — спросила Даша наконец. — Или не изменился?

— Если за ним следили из Москвы, дело плохо, — сказал Макс Шейнерман. — Мы не успеем.

— Не болтай, — отрезала Джахан. — У нас есть дело, мы должны его сделать.

— Ну конечно, — пробормотал Макс. — Ты же святее папы Римского, как это я забыл!..

Он подобрал с пола свой рюкзак, закинул за плечо и на прощание улыбнулся Даше.

Она прищурилась на солнце, посмотрела по сторонам — улица была неспешная, купеческая, тамбовская и очень ей нравилась, — нацепила на нос тёмные очки и полезла в рюкзак.

— Всё выше, и выше, и выше, — напевала она себе под нос, — стремим мы полёт наших

птиц...

— Вам помочь? — спросили откуда-то сбоку, и на неё легла тень.

Даша задрала голову и посмотрела. Рядом стоял гостиничный администратор Никита, маленький милый зайчик, и вид у него был сконфуженный.

— Здра-асти, — протянула Даша. — Сколько сейчас времени в Токио?

Зайчик немного дрогнул.

— Почему вы слоняетесь по улице без дела? Разве вы не должны гореть на работе? — продолжила Даша.

— Сегодня не моя смена, — буркнул Никита.

Дёрнул его чёрт подойти! Знал же, что добром не кончится, и всё-таки полез!..

Даша вытащила из рюкзака непонятный металлический рельс и сунула Никите в руки — довольно тяжёлый. За рельсом последовала узкая платформа на колёсиках, странная штука!.. Красавица застегнула опустевший рюкзак и пристроила его на плечо.

— Держите!.. Крепче держите!

Сухой щелчок, рывок, рельса прилажена к платформе, открыты резиновые уши, и — опля! — получился самокат!

Даша в разные стороны повела головой так, чтобы разметавшиеся платиновые волосы уж точно весь день не давали бы покоя маленькому славному зайчику, вскочила на самокат и покатила.

Никита — будь оно всё проклято! — припустился следом за ней.

Даша отталкивалась ножкой и слегка повиливала передним колесом. Волосы развевались.

— Прикольная штука, — говорила Даша на ходу. — Кул! Мы все вскоре бросим наши «Мерседесы» и станем передвигаться только на великах и самокатах!

— Все — это кто? — пропыхтел рядом Никита. Он старался не отставать.

— Москвичи! Ты что, не в теме? У нас теперь сплошные велосипедные дорожки и ограничения движения! Мне нравится! Да всем нравится, кто в центре живёт! Замкадыши бузят, и всякие тёти Маши из Бирюлёва, которые на «Логанах» паршивых в центр прутся, а нам по приколу!..

Даша соскочила с самоката и деловито подёргала резиновые ручки-уши.

— Немного заедают, — объяснила она, оглядела взмокшего Никиту и спросила: — А ты на велике или на байке?

Никита, счастливый обладатель новенькой «Лады-Приоры», купленной в кредит, не нашёлся что ответить.

— Не, ну байк тоже клёво, но где на нём ездить? По «трёшке» или по МКАДу себе дороже! И по трассе тоже не в кайф, то дождь, то пылица! Хотя у нас в компании есть чел, тру байкер, без дураков. Он по Европе катается! Полицейским прикурить даёт!

— У нас в отеле тоже байкеры живут, — сообщил доверчивый маленький зайчик, обрадовавшись, что может столичный разговор поддержать, — из Германии на Чёрное море едут. Вот у них агрегаты!..

— Да наверняка старьё какое-нибудь!.. Они теперь в Европе все бедные, кризис же.

Никита подумал, что не отказался бы от такой бедности, как у этих немцев, путешествующих на байках к Чёрному морю!.. От их мотоциклов, курток, ботинок и комнат в лучшем отеле города! Он даже слегка обиделся за них.

— Ничего они не бедные, — сказал он и насупился. — Неделью с лишним живут и

съезжать не собираются!.. Механик при них на «минивэне»! Байки на мойку гонял, на сервис!..

— Ты так говоришь, как будто их сто, этих байков! — фыркнула Даша. — Или десять!

— Два, но я тебе говорю — крутые!

— Может, дадут покататься? Или сами покатают?

Тебе-то точно дадут, подумал Никита, и покатают, и ещё с собой на море пригласят, а мне-то ничего не светит!..

«Минивэн», подумала Даша, живут больше недели. Интересно.

— А чего они так долго тут торчат, в вашем Тамбове? Где Тамбов, а где море?

— Может, им нравится.

Даша обидно засмеялась, опять повела волосами и распорядилась:

— Ты меня с ними познакомишь. Йес? Или ты работаешь сутки через восемь?

— Завтра я работаю, — пробурчал Никита и поклялся себе, что ни с кем столичную штучку-сучку знакомить не станет и вообще больше в её сторону не взглянет никогда.

Даша вскочила на самокат, сделала вокруг Никиты круг, сказала:

— Покедос! — помахала ручкой и покатила. На брусчатке самокат слегка потряхивало, тряска отдавала в локоть.

...После ранения этот локоть в лубках она ненавидела. Лубки означали, что она больше не сможет работать — никогда. Почему-то совсем скверно становилось часов в двенадцать дня. Она неотступно думала, что сослуживцы «в поле» на работе, а она здесь, в больнице — из-за какого-то проклятого локтя!.. От ненависти она выла, зубами грызла и рвала гипс, и однажды военврач, застав Дашу, заорал, что комиссует её за психопатство.

Всё обошлось, она осталась на службе, но локоть, который в любой момент может подвести, и его нужно уговаривать, чтоб не подвёл, время от времени напоминал ей о собственном слабодушии — как сейчас, — и она покатила ещё быстрее, чтобы в который раз доказать себе, что ей наплевать и она может не обращать на такие мелочи, как боль, никакого внимания.

Павел Лемешев по кличке Паша-Суэта жил в особняке на улице Максима Горького — вроде бы исторический центр славного Тамбова, а вроде бы уже и загород. Точный адрес Даша, разумеется, знала, но ей хотелось себя проверить. Она была уверена, что дом местного авторитета узнает и без всякого адреса.

Напевая себе под нос про стальные руки-крылья и пламенный мотор, Даша катила по улице. Редкие прохожие провожали её глазами и даже восклицаниями вроде «Ты гляди, гляди!» — не все в Тамбове были в курсе столичных увлечений, и взрослая барышня на детской штуковине вызывала насмешливое недоумение. Даша понимала, что привлекает внимание, для этого всё и задумывалось.

Дома на улице Максима Горького были в основном одно- и двухэтажные, некоторые ухоженные, чистенькие, подновлённые, другие совсем запущенные, покосившиеся, как будто трухлявые. Время от времени попадались особняки в новорусском вкусе — ворота с орлами на столбах, дом непременно красного кирпича с колоннами и арками, перед домом стоянка на несколько машиномест, всё культурно. Даша особняки проезжала — не то, не то.

Наконец по правую руку начался подходящий забор — бесконечный, как Великая китайская стена, с квадратными выступами, похожими на сторожевые башни, на каждой башне камера. Ворота чугунные, литые, изнутри заделанные листовым железом, рядом калиточка с начищенной кнопкой домофона.

...Андрей Боголюбский, сынок князя Юрия Долгорукова, ушедший из Киева на Суздальские земли, умер бы от зависти, увидав такой великолепный забор — никаким докучливым татарам с ходу не взять!

Даша соскочила с самоката и стала поправлять ручки — опять заело, что ты будешь делать!..

Камеры простреливают через одну — эту сторону улицы и противоположную. Сразу за забором теремок красного кирпича, скорее всего домик охраны. Над забором торчит слуховое окно теремка, в нём — Даша ещё разок быстро взглянула, — как пить дать какая-то оптика. В глубине участка виднелась едва зазеленевшая липа, высоченная, роскошная, и на ней ещё камера. Хорошо хоть наблюдателя с биноклем не посадили!.. Впрочем, наверняка и наблюдатели есть.

Даша вскочила на самокат и проехала до конца забора, он был очень длинный и, по всей видимости, огораживал участок со всех сторон, на соседний домик выходила такая же укрепленная стена с башнями и бойницами. На перекрестке она развернулась и покатила обратно. Возле самых ворот остановилась, извлекла из рюкзака фотоаппарат, прицелилась на забор и стала фотографировать.

...Раз, считала она про себя, два, три.

Она дошла до двадцати четырёх, когда наконец калиточка распахнулась и показалась бритая чугунная башка. Не очень-то они расторопны!..

— Девушка! — выговорила башка. — Вы зачем фотографируете? Не надо тут снимать!

— Почему? — удивилась Даша. — Может, я именно тут и хочу фотографировать!

Башка озадачилась, а потом тяжеломерно рассердилась.

— Сказано, нельзя, значит, нельзя! Давайте в другом месте фотографируйте!

— А я в этом хочу, — отозвалась Даша.

— Ты чего, слов, что ль, не понимаешь?! — окончательно рассвирепела башка. — Давай отсюда! Ну?! Или щас мельницу твою разобью!

— А я полицию вызову!

— Да ты чё, дура, что ли?! Давай чеши отсюда!..

...Двадцать восемь, считала Даша, начавшая заново, когда высунулась башка, двадцать девять, тридцать. Ну?! Скоро вы там проснётесь? Или хозяина дома нет?..

Охранник выбрался на тротуар, калитку за собой оставил открытой — вот какой профессиональный человек! — подскочил и рванул на себя фотоаппарат. Даша не отпустила, повалилась на него, — тот едва устоял на ногах, — и заголосила что есть мочи:

— Помоги-ите! Гра-абят! Убиваю-ут!

— Что ты орёшь, сука! Заткнись! Заткнись, кому сказал!

— Спаси-ите!!!

— Дай сюда мельницу! Рот закрой! Закрой рот!..

— Лёха, чё ты устроил?!

Чугунная башка моментально отпустила фотоаппарат, Даша сразу же бухнулась на асфальт и стала кататься и выть.

— Он меня убил, — выла она, — совсем убил!

— Лёха, че такое?!

Видимо, второй был начальником башки, потому что та с ходу начала лепетать и оправдываться:

— Да она с мельницей своей сюда полезла... я сказал, что нельзя, а она орать... да я её

пальцем не тронул... гадом буду — не тронул...

Второй в растерянности наклонился над Дашей — калитка всё это время оставалась открытой, — и тут в кармане у него запищала и захрипела рация.

Слава богу, подумала Даша, которой надоело кататься и выть, сообразили.

— Ты это, — выплюнула рация сквозь помехи, — в дом её давай. Давай, давай!..

— Не понял, повторите!..

— Чё, блин, ты не понял! Давай девку сюда!..

— Вставай, — велел начальник и потянул Дашу за руку. — Пойдём.

— Куда?! — перепугалась та. — Никуда я с вами не пойду!..

После чего спокойненько дала себя скрутить и отконвоировать за забор. Чугунная башка следом тащила самокат.

«Чижа, — продекламировала Даша про себя, — захлопнула злодейка-западня!..»

Перед ними простирался плац — без единого деревца или кустика, — ровный и гладкий, хорошо простреливаемый и с отличным обзором. На плацу может поместиться, прикинула Даша, полсотни бойцов или пятнадцать машин, никак не меньше. Справа вдалеке росла липа, которую она заметила с улицы. Слева маячила сторожевая охранный башня.

...Как, должно быть, уютно живётся всем этим авторитетам!..

Бронированная дверь в особняк красного кирпича была открыта, на высоком крыльце толпились парни — клоны чугунной башки. Правда, у некоторых на голове были волосы разной длины и цвета, видимо, затем, чтобы как-то отличать клонов друг от друга. Даша хлюпала носом и растирала по лицу слёзы.

— Давай шевелись!..

— Да иду я, иду...

Среди парней, раздвинув их плечами, появился Паша-Суэта. Глаза у него бегали, щупали Дашино лицо, белые волосы, грудь, ноги — и в обратном порядке.

Когда её подвели поближе, он вдруг раскинул руки, притопнул, как в плясовой, и сказал громко:

— Ба-а, какие люди в Голливуде!.. Что кислая такая, красавица?..

— А чего он дерётся! — начала Даша и локтем ткнула в сторону чугунной башки номер один. — Фотоаппарат отобрал, а меня чуть не убил!

— Да ничего я её не бил! Я ей русским языком говорю: хорош сымасть! А она сымает и сымает!..

Паша сбежал с крыльца и обшарил Дашину физиономию вблизи — как будто руками трогал, ей-богу!..

— А чего это столичным гостям на нашей тихой улице понадобилось? — протянул он. — Что тут у нас за красоты-раскрасоты?..

— Забор мне ваш понравился, — буркнула Даша и на всякий случай ещё раз вытерла слезы. — Мы никак не можем на даче забор поставить. Я думала, сфотографирую, папе отправлю...

— Забо-ор, — как будто удивился Паша. — Да ещё па-апе! Вон оно что!.. Ну, проходи, погости у меня, красавица. Забор, он забор и есть, а вот за забором у меня не всякий бывает!

Клоны зашумели и подвинулись, не то угрожающе, не то уважительно. Паша повёл плечом, и они моментально стихли.

— Где мой самокат? — жалобно спросила Даша. — Отдайте!

Паша хмыкнул:

— Да вот он, нам-то без надобности! Мы всё больше по старинке, на машинках катаемся. Проходи, не жмись!..

Даша поднялась на крыльцо.

...Всего семеро, включая чугунную башку и Пашу. Есть ещё люди, или все столпились здесь, чтобы поглазеть на неё?..

Калитка всё ещё распахнута настежь — вот дебилы!..

— Я не хочу никуда проходить, — захныкала она. — Мне в гостиницу надо! Что вы ко мне привязались? Я ничего плохого вам не сделала!..

— Да если бы сделала, красавица, — развеселился Паша, — разве б я тебя встречал, как самого дорогого гостя?!

Даша опасливо покосилась на него, так чтобы он понял, как она напугана, судорожно вздохнула, ссутулила плечи и сделала ещё шаг.

Она уловила движение и почуяла опасность раньше, чем всё случилось. Она была очень хорошо подготовлена!..

По улице, за знаменитым забором, который так понравился Даше и, возможно, понравился бы Дашиному папе тоже, лавиной покатился шум и рокот, как будто на большой скорости приближалось сразу много машин, завизжали тормоза, захлопали двери. Оттолкнув чугунную башку, так что тот не удержался, замахал руками и как куль перевалился через перила, Даша ринулась к своему самокату.

В проёме калитки показались люди в масках и веером, не целясь, открыли огонь.

— ...Твою мать! — завопил кто-то рядом.

Фьюить, фьюить, фьюить, просвистело у Даши над головой.

Вокруг неё толкались многочисленные ноги, ещё кто-то упал и силился подняться, и по тому, как он дышал, с хрипом и бульканьем, Даша поняла, что не поднимется уже никогда.

— Огонь! Огонь! — кричали у неё над головой. — Мать, мать, мать!..

Самокат сухо щёлкнул, разваливаясь на части, Даша молниеносно извлекла из него винтовку, огляделась, прикинула расстояние и залегла.

...Первым нужно снять главаря. Без командира нападавшие быстро остановятся. Кто у нас тут главарь?..

И с крыльца, и со стороны калитки безостановочно и беспорядочно палили. Тянуло порохом и ружейной смазкой, над плацем висел сизый дым.

Даша поудобней пристроила локоть и нащупала ногами опору. Её прикрывает железный ящик для цветов. Прикрытие так себе, но на пару выстрелов сойдёт.

Она определила цель, выждала и выстрелила. Винтовка щёлкнула почти без звука. Человек у ворот упал навзничь, и тот, кто был рядом, опустил пистолет и нагнулся посмотреть, что с ним.

Даша определила следующего, прицелилась и снова выстрелила. Ещё один сел, привалившись к забору и выронив автомат.

Теперь надо ждать. Или они разбегутся, или сниму вон того, в бронежилете.

Пальба вдруг затихла, как будто сама по себе.

— Уходим, уходим!.. Мать твою!..

Нападавшие гурьбой, как стадо, кинулись к калитке, там как будто произошла давка, с крыльца ещё кто-то пальнул в белый свет, как в копеечку, взревели моторы, машины понеслись, и всё смолкло.

...Сволочи, подумала Даша, ах, какие сволочи!.. Бросили раненых, помчались шкуры

спасать, гады, крысы!.. Главный закон войны — на поле боя своих не бросают.

Она поставила винтовку на предохранитель и обернулась.

Тот самый, чугунная башка, таращился из-под крыльца и был совершенно белым, пот тёк у него по лицу, капал с носа. Его начальник лежал, уткнувшись головой в угол. Паша-Суета сидел, привалившись к косяку распахнутой двери. Он коротко и быстро дышал и улыбался странной улыбкой. Остальные шевелились, поднимались, мотали головами. Никто ничего не говорил.

Прежде всего Даша сложила и спрятала винтовку. Железо щёлкнуло о железо. Она прислонила получившийся самокат к цветочному ящику и нагнулась над Пашей.

Тот всё улыбался. Из рта у него пошла кровь.

— Снайпер?

Даша кивнула.

— Уходить надо, снайпер, — со свистом выговорил Паша-Суета. — Сейчас менты придут, добьют.

Даша кивнула. С её точки зрения, он был ранен тяжело, но не смертельно. Впрочем, она не специалист.

— Паша! — вдруг сказал кто-то из клонов. — Это чё такое было, Паша?!

Тот не отвечал, только дышал всё быстрее. Даша делала вид, что рассматривает его рану.

— Ключи от гаража и от машины, — на ухо Паше сказала она.

[Купить полную версию книги](#)